

Бестселлер The New York Times

МАГИЯ ВОРОНА

МАРГАРЕТ РОДЖЕРСОН

Маргарет Роджерсон

Магия ворона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43397612
Магия ворона: Издательство АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114353-4

Аннотация

Изобель – вундеркинд со способностями к рисованию. Ее клиенты – фейри, бессмертные существа, которые не могут испечь хлеб или взяться за ручку для письма, не рассыпавшись в прах. Они привыкли пользоваться плодами человеческого Ремесла, недоступного им самим, поэтому портреты художницы высоко ценятся в здешних местах.

Но когда девушка заполучает клиента королевских кровей, она совершает ужасную ошибку: рисует в глазах принца слабость, которая в его землях может стоить жизни. Теперь сопровождаемая им Изобель должна предстать перед судом за то, чего не совершала. Но что, если ее Ремесло и правда представляет собой угрозу, с которой существа не сталкивались за все тысячелетия своей жизни? Впервые портреты способны заставить их чувствовать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	34
Глава 4	54
Глава 5	73
Глава 6	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Маргарет Роджерсон

Магия ворона

Margaret Rogerson

AN ENCHANTMENT OF RAVENS

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств KT Literary, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Margaret Rogerson, 2017

© А. Филонова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

В МАСТЕРСКОЙ пахло льняным маслом и лавандой; на холсте блестели мазки желтого сурика. После долгих часов работы шелковый кафтан Овода на портрете был практически доведен до совершенства.

Работать с Оводом было непросто: тяжелее всего было убедить его надевать один и тот же костюм на каждый сеанс. Перед наложением нового слоя масляные краски должны высохнуть, и на это уходят дни; но Овод отказывался понимать, что я не могу просто взять и переделать весь его наряд по ходу работы, если ему в голову вдруг придет что-нибудь более привлекательное. Он был невероятно тщеславен даже по меркам фейри, хотя с тем же успехом можно было назвать пруд «необычайно мокрым» или же медведя – «удивительно мохнатым». Обезоруживающее свойство. Особенно если учитывать, что это создание могло бы уничтожить меня на месте, даже не изменив своих планов на вечерний чай.

– Мне кажется, на рукавах не хватает вышивки серебряной нитью... – произнес он. – Что думаешь? Ты могла бы ее добавить?

– Разумеется.

– И если бы я выбрал какой-нибудь другой шейный платок...

Мысленно я закатила глаза, но виду, конечно, не показала: губы, как и два с половиной часа назад, по-прежнему растягивала натужная вежливая улыбка. Малейшая грубость могла стать моей последней ошибкой.

– Я могу изменить ваш платок, если мы оставим его приблизительно того же размера. Но тогда мне потребуется еще один сеанс, чтобы закончить.

– Ты просто чудо. Гораздо лучше моего прошлого портретиста – он был тут совсем недавно. Как там его звали? Себастьян Многорезвый? Неприятный тип, от него всегда странновато пахло.

Я не сразу поняла, что Овод имеет в виду Силаса Мэриуэзера – мастера Ремесла, почившего еще три столетия назад.

– Благодарю вас, – проговорила я, – за столь чуткий комплимент.

– Это так занятно – наблюдать за тем, как Ремесло меняется с течением времени, – продолжил он, едва обратив внимание на мои слова. Гость потянулся к подносу, стоявшему рядом с диваном, и взял с него одно из пирожных, но не сразу отправил в рот, а какое-то время с интересом рассматривал его – подобно энтомологу, который вдруг обнаружил жука с головой, растущей задом наперед. – Ты думаешь, что уже повидал достаточно, что род человеческий на большее не способен, но глядь – и появляется какой-нибудь новый метод глазурования керамики или вот эти чудесные малень-

кие пирожные с начинкой из лимонного заварного крема.

Меня уже не удивляли странные манеры фейри. Не отводя глаз от его левого рукава, я продолжила накладывать желтоватые мазки, придавая шелку на портрете дополнительный глянцевоый блеск. Я, однако, не забыла то время, когда их поведение еще казалось мне непривычным и пугающим. Они двигались иначе, не так, как люди: плавно, точно, с характерной строгостью осанки, идеальные до кончиков пальцев. Они могли не шевелиться и не моргать часами или передвигаться с устрашающей быстротой: ахнуть не успеешь – они уже настигли тебя.

Я откинулась на спинку стула, все еще держа в руке кисть, и окинула взглядом портрет целиком. Почти готово. Вот оно – оцепенелое подобие Овода, такое же неизменное, как и он сам. Причина, по которой прекрасный народец так обожал портреты, оставалась выше моего понимания. Я могла предположить, что это было как-то связано с их тщеславием, а еще с ненасытным желанием окружать себя человеческим Ремеслом. Они не задумывались о своей юности, потому что не знали ничего иного, и к моменту их смерти, даже если бы она вообще наступила, эти портреты все равно давно бы уже истлели. На вид Оводу было лет тридцать пять. Как и другие фейри, он был высок ростом, статен и красив. Цвет его голубых глаз напоминал кристальную чистоту неба после прохладного дождя в летнюю жару, цвет кожи – бледную безупречность фарфора, а волосы – лучезарное золото

капель росы в утреннем свете. Я знаю, что все эти сравнения смехотворны на первый взгляд, но описать прекрасный нардец иначе не представляется возможным. Один поэт Каприза, говорят, умер от отчаяния, когда понял, что не способен найти слова для запечатления красоты фейри. Мне кажется гораздо более вероятной другая теория, согласно которой его отравили мышьяком, однако такова легенда.

Необходимо помнить, впрочем, что все это – не более чем внешнее очарование, и на самом деле фейри выглядят совершенно иначе. Они талантливые притворщики, но безупречно лгать не умеют. Их чары всегда имеют какой-нибудь изъян. У Овода слабым местом были его пальцы: слишком длинные для нормального человека, со странными непропорциональными суставами. Если кто-нибудь слишком долго рассматривал его руки, он складывал их или вовсе торопливо убирал под салфетку, будто пару пауков, чтобы скрыть от посторонних глаз. Он был очень представителен и относился к манерам более расслабленно, чем другие фейри, которых я знала, однако пялиться на него не стоило, если только у вас, как у меня, например, не было на то уважительной причины.

Наконец Овод съел пирожное. Он проглотил его, не жуя, не успела я и глазом моргнуть.

– Думаю, на сегодня мы закончили, – сообщила я. Вытерев кисть о тряпку, я бросила ее в банку с льняным маслом, стоящую рядом с мольбертом. – Не желаете ли взглянуть?

– Стоит ли спрашивать? Изобель, тебе хорошо известно,

что я никогда не упущу возможности восхититься твоим Ремеслом.

Доля секунды – и он оказался за моей спиной, заглядывал через плечо. И хотя он держался на почтительном расстоянии, но меня все равно окутал его нечеловеческий запах: травяной, зеленый аромат весенних листьев, благоухание сладких диких цветов. И подо всем этим – нечто дикое: нечто, тысячелетиями скитавшееся по лесу, с длинными паучьими пальцами, которые могли раздавить человеческое горло, пока жертва искренне улыбалась бы в ответ.

Мое сердце пропустило удар. «В этом доме я в безопасности», – напомнила я себе.

– Думаю, этот платок все же нравится мне больше всех, – сказал он. – Великолепная работа, как и всегда. Напомни, чем я собирался заплатить тебе за нее?

Я бросила взгляд на его элегантный профиль. Один его локон как будто случайно выбился из голубого банта на затылке. Мне на мгновение стало интересно, зачем Овод выбрал такое несовершенство прически.

– Мы договорились, что вы заколдуете наших кур, – напомнила я. – Каждая из них до конца жизни будет откладывать по шесть хороших яиц в неделю. А еще они доживут до старости и не погибнут из-за несчастного случая.

– Так практично, – вздохнул он, как будто это была трагедия. – Ты – самая почитаемая Ремесленница своих лет. Представь, какими дарами я мог бы осчастливить тебя! Я мог

бы превратить все твои слезы в жемчужины. Мог бы подарить тебе удивительную улыбку, дающую возможность похитить мужские сердца, или платье, которое невозможно забыть. А ты просишь какие-то яйца.

– Я люблю яйца, – твердо ответила я, прекрасно понимая, что у чар, которые он описывал, неизбежно возникли бы странные, неприятные или даже смертельные побочные эффекты. И потом, что бы я стала делать с мужскими сердцами? Омлет из них не приготовишь.

– Что ж, хорошо, раз ты настаиваешь. Чары начнут действовать завтра. Засим, боюсь, я вынужден откланяться. Мне еще нужно заказать вышивку.

Стул скрипнул, когда я поднялась на ноги и сделала реверанс. Остановившись в дверях, он ответил мне элегантным поклоном. Как и другие фейри, он ловко притворился, что эта любезность – его свободный выбор, а не строгое правило, исполнение которого для него почти так же необходимо, как для людей – дыхание.

– Ах да, – добавил он, выпрямившись, – чуть не забыл. Среди придворных весеннего дворца прошел слухок, что осенний принц собрался нанести тебе визит. Вот это новости! Не могу дождаться вестей о том, просидит ли он смирно весь сеанс или унесется за Дикими Охотниками уже через пару минут после прибытия.

На этот раз мне не удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Я разинула рот и вытаращилась на Овода.

Его губы растянула озадаченная улыбка; а потом он вытянул в мою сторону руку, как будто пытаюсь определить, не умерла ли я на месте. Не самое необоснованное беспокойство, учитывая, что люди ему, несомненно, казались хрупкими существами, которых жизнь могла покинуть из-за любого пустяка.

– Осенний... – Мой голос прозвучал хрипло; я умолкла и прокашлялась. – Вы уверены? У меня сложилось впечатление, что осенний принц не имеет обыкновения посещать Каприз. Никто не видел его здесь уже сотни... – Слова смешались в моей голове.

– Уверяю тебя, он жив и здоров. Вот только вчера я видел его на балу. Или это было в прошлом месяце? В любом случае он будет здесь завтра. Передай мои наилучшие пожелания.

– Это... это будет для меня честью, – выдавила я, внутренне морщась: такая потеря самообладания была мне отнюдь не свойственна. Мне срочно был необходим глоток свежего воздуха. Я пересекла комнату и открыла дверь. Проводив Овода, остановилась на пороге, глядя вдаль на поле яровой пшеницы. Его фигурка, удаляющаяся по тропинке, все уменьшалась и наконец пропала.

Облако заслонило солнце, и на мой дом упала тень. Время года в Капризе всегда оставалось неизменным, но, заметив, как с дерева у дороги упал сначала один, а затем и второй лист, я не могла не почувствовать приближение каких-то пе-

ремен. И еще не понимала, как относиться к этому – с одобрением или нет.

Глава 2

– ЗАВТРА! Овод сказал – завтра. Ты знаешь, как они относятся к концепту времени, придуманному смертными. Что, если он объявится на пороге в половину первого ночи и потребует, чтобы я начала работу прямо в ночной рубашке? А в моем лучшем платье прореха, и к тому моменту я не успею ее зашить – придется встречать его в голубом. – Я капнула на руки льняного масла и принялась докрасна тереть пальцы тряпкой. Стирать краску самостоятельно не входило у меня в привычку, однако и работать на феэри королевского рода – тоже. Мало ли какая мелочь могла их оскорбить. – А еще у меня осталось мало желтого сурика, так что этим вечером мне придется ехать в город... Вот говно! Прости, Эмма.

Я приподняла полы юбки, спасаясь от воды, растекающейся по полу, и рванулась поднимать упавшее ведро.

– Господи, Изобель, все будет хорошо. Март, – моя тетя опустила очки и прищурилась, – нет, Май, можешь, пожалуйста, помочь сестре вытереть лужу? У нее выдался непростой день.

– Что значит «говно»? – робко осведомилась Май, прыгая у моих ног с тряпкой.

– Это слово, которое ты говоришь, если случайно опрокидываешь ведро с водой, – уклончиво заявила я. Правда ста-

ла бы для нее слишком опасным источником вдохновения. —
Где Март?

Губы Май растянула беззубая улыбка.

— На шкафу.

— Март! Слезай со шкафа!

— Но ей там весело, Изобель, — сказала Май, случайно плеснув водой мне на туфли.

— Ей не будет весело, если она свернет себе шею, — ответила я.

Март соскочила со шкафа с восторженным бляением, столкнула на пол стул и поскакала по комнате, направляясь к нам. Я подняла руки, чтобы в случае чего остановить ее, но она бежала не ко мне, а к Май, которая как раз поднялась на ноги. Они оглушительно стукнулись лбами и зашатались по комнате в состоянии легкого сотрясения. Я вздохнула. Мы с Эммой пытались отучить их от этой привычки.

Мои сестры-двойняшки были не совсем людьми. При рождении это была пара козлят, пока один перебравший вина фейри не решил превратить их ради забавы. Прогресс шел медленно, но все-таки шел. Еще год назад они вовсе не были приучены к жизни в доме. Им повезло, что чары сделали их практически бессмертными: Март, например, однажды сгрызла разбитый горшок, древесину ядовитого дуба, ягоды белладонны и нескольких незадачливых саламандр и не испытала ни малейшего недомогания. По правде сказать, ее лезанье по шкафам представляло куда большую опасность для

кухонной мебели, чем для нее самой.

– Изобель, подойди-ка на минутку, – прервал мои размышления голос тети. Она подождала, пока я повинуюсь, глядя на меня поверх очков, а потом взяла мою руку, чтобы оттереть пятно, которое я не заметила. – Ты отлично справишься завтра, – твердо сказала тетя. – Я уверена, что осенний принц не сильно-то отличается от остальных фейри. И даже если отличается, помни: в этом доме ты в безопасности. – Она крепко сжала мою ладонь обеими руками. – Помни о том, что ты для нас заработала.

Я сжала ее руки в ответ. Возможно, сейчас я правда заслуживала того, чтобы со мной говорили как с маленькой. Постаравшись не звучать испуганно, я ответила:

– Просто не знаю, чего ожидать. И мне это не нравится.

– Не знаешь. Но ты готова к этому лучше, чем кто бы то ни было во всем Капризе. Мы знаем это, и фейри тоже знают. Вчера на рынке я подслушала чей-то разговор: люди думают, что такими темпами тебе прямая дорога к Зеленому Колодцу...

Я в ужасе отдернула руку.

– Это не так, конечно. Я знаю, что ты ни за что не выберешь этот путь. Просто хочу сказать, что если фейри кто-то из людей и кажется незаменимым, то это ты. И это дорогого стоит. Завтра все будет хорошо.

Я медленно выдохнула и пригладила юбки.

– Наверное, ты права, – произнесла я, хотя ее слова не

особо меня убедили. – Мне нужно идти, если хочу вернуться до темноты. Март, Май, постарайтесь не свести Эмму с ума за то время, пока меня не будет. Я надеюсь увидеть эту кухню в идеальном состоянии, когда приду домой.

Я смерила многозначительным взглядом перевернутый стул.

– Ну, по крайней мере мы не изговняли тут весь пол! – заорала мне вслед Май.

Когда я была маленькой, каждое путешествие в город казалось мне незабываемым приключением. Сейчас я не могла дождаться, когда смогу отсюда уйти. В желудке что-то переворачивалось всякий раз, когда кто-то проходил по улице мимо окна лавки.

– Только желтый сурик? – спросил мальчик, стоявший за прилавком и аккуратно заворачивавший кусок мела в оберточную бумагу. Финеас устроился сюда на работу всего несколько недель назад, но уже научился очень точно угадывать мои привычки.

– Пожалуй, я все-таки возьму еще кусок «зеленой земли» и два – киновари. О! И весь ваш уголь, пожалуйста.

Наблюдая за тем, как он собирает мой заказ, я в отчаянии размышляла о том, сколько работы еще предстояло переделать сегодня вечером. Нужно было истолочь и смешать все пигменты, выбрать палитру, растянуть новый холст. Скорее всего, на завтрашней сессии успею лишь закончить скетч портрета принца, но я не могу вынести даже мысли о том,

что не буду готова ко всему.

Финеас куда-то пропал, и я выглянула из окна. Стекло было покрыто толстым слоем пыли, и само местонахождение магазинчика – на углу между двумя более высокими зданиями – придавало ему атмосферу местечка мрачного, ветхого, куда мало кто заходит. Ни единого заклинания, чтобы осветить лампы, или оповестить хозяина об открывшейся двери, или очистить углы от пыли. Представителям прекрасного народа не было дела до этой лавки. Материалы, которые использовали в своей работе Ремесленники, нисколько не интересовали их. Внимание фейри могли привлечь только законченные продукты.

У остальных заведений на этой улице судьба выдалась более завидная. Юбки мелькнули и исчезли в дверях магазина «Фирт и Мейстер», и одного взгляда было достаточно, чтобы узнать в этой женщине фейри. Смертные не могли позволить себе расшитые шелковые платья, которые там продавались. Люди не покупали товары и в соседней кондитерской, вывеска на двери которой обещала клиентам марципановые цветы. Эти редкие сладости готовили из миндаля, доставляемого из Запредельного Мира с большим трудом и по огромной цене. За Ремесло подобного калибра можно было расплатиться заклинаниями – и только заклинаниями.

Когда Финеас наконец перестал ползать под стойкой и распрямылся, я заметила в его глазах знакомый блеск. «Знакомый», впрочем, было еще слабо сказано. Я ждала

и боялась этого выражения. Финеас робко смахнул прядь волос со лба, и мое сердце екнуло. «Пожалуйста, – взмолилась я мысленно, – только не начинай».

– Мисс Изобель, вас не затруднит взглянуть на мое Ремесло? Я знаю, мне до вас далеко, – добавил он поспешно, изо всех сил стараясь сохранить самообладание, – но мастер Хартфорд поощрял мои старания – именно поэтому он и взял меня к себе, – и все эти годы я много практиковался.

Он прижимал картину к груди, стеснительно скрывая ее переднюю часть, как будто страшился показать не холст, а собственную душу. Мне очень хорошо было знакомо такое чувство, и от этого предстоящая процедура оценки творчества не становилась легче.

– Я буду рада, – был мой ответ. По крайней мере, фальшивая улыбка удавалась мне просто – в силу богатого опыта в этой области.

Он протянул мне картину, и я перевернула раму. Тусклому освещению магазина открылся пейзаж. Меня захлестнуло чувство облегчения. Слава богу, не портрет. Должно быть, это прозвучит ужасно высокомерно, но мое Ремесло ценилось настолько высоко, что прекрасный народец заказывал работы мне и только мне, и это положение вещей вполне могло сохраниться до самой моей смерти – вернее, до того момента, когда феэри поняли бы, что я скончалась (на это им, возможно, потребовалось бы еще несколько десятилетий). Я с отчаянием ждала, что на пике моей славы меня

вдруг превзойдет какой-нибудь новый многообещающий талант. Возможно, у Финеаса были на это шансы.

– Очень хорошая работа, – честно сказала я, возвращая картину. – У тебя отличное чувство цвета и композиции. Продолжай тренироваться. Но даже сейчас, – я немного помедлила, – у тебя может получиться продавать свое Ремесло.

Его щеки порозовели, и он как будто стал выше ростом. Облегчение, которое я на мгновение почувствовала, испарилось. Следующая часть обычно была еще хуже. Финеас задал именно тот вопрос, какой я от него ожидала:

– Не могли бы вы... может быть, вы могли бы порекомендовать меня одному из своих покровителей, мисс?

Я рассеянно перевела взгляд к окну. В глаза мне бросилась фигура миссис Фирт: стоя в витрине своего магазина, она прикрепляла к манекену новое платье. В юности я была уверена, что она тоже феяри. У нее были безупречная кожа, голос слаще пения птицы и копна удивительных каштановых кудрей – слишком блестящих, чтобы быть настоящими. Ей было около пятидесяти, но выглядела не старше двадцати. Только потом, когда научилась распознавать действие чар, я осознала свою ошибку. Год за годом меня все больше разочаровывали чары – ложь, да и только. Как бы ловко они ни были произнесены, любые чары – кроме, пожалуй, самых банальных – со временем начинали горчить. Ну а те, что не были произнесены ловко, могли разрушить жизни. За свою осиную талию миссис Фирт заплатила неприятную це-

ну: она не могла проговорить ни единого слова, начинающегося с гласной буквы. А год назад в октябре шеф-повар местной кондитерской случайно променял три десятилетия своей жизни на голубой цвет глаз, и жена его осталась вдовой. Но обаяние красоты и богатства не переставало увлекать жителей Каприза: Зеленый Колодец все еще многообещающе маячил на горизонте, как настоящий рай на земле.

Почувствовав мое сомнение, Финеас поспешил добавить:

– Я не имел в виду никого особенно важного. Тот фе́йри по имени Ласточка, например, мог бы подойти. Я иногда вижу его в городе, когда он скупает Ремесло на улицах. И говорят, фе́йри из весеннего двора доброжелательнее других. И сделки с ними удачнее.

Проблема была в том, что никого из фе́йри я не могла бы назвать доброжелательным, из какого бы рода они ни происходили. Они лишь притворялись таковыми. От мысли о том, чтобы подпустить Ласточку к Финеасу даже на десять метров, меня передернуло. Ласточка, возможно, обладал еще не самым извращенным воображением, но слова несчастного парня он бы искажил так, что тот отдал бы своего первенца в обмен на пару излеченных прыщей.

– Финеас... ты, вероятно, понимаешь, что благодаря своему Ремеслу я больше всех в Капризе знакома с прекрасным народцем, – произнесла я, встретившись с ним взглядом. Лицо Финеаса стало несчастным: он, несомненно, решил, что ему грозит отказ. Я поспешно продолжила: – Так что, поверь

мне, если ты хочешь иметь с ними дело, нужно быть очень осторожным. Они не умеют врать, но это не значит, что они честны. Фейри попытаются обмануть тебя на каждом шагу. Если они предлагают тебе что-то и тебе кажется, что это звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой, соглашаться нельзя. В формулировке чар не должно оставаться ни малейшей зацепки, чтобы тебе навредить. Ни малейшей.

Лицо Финеаса просветлело: так заметно, что я испугалась, будто все мои усилия оказались напрасны.

– Так это значит, вы все же порекомендуете меня?

– Может быть, но не Ласточке. Не соглашайся продавать Ремесло ему, пока не выучишь их привычки.

Пожевав щеку, я снова бросила взгляд в сторону улицы и краем глаза заметила фигуру, выходящую из дверей «Фирт и Мейстер». Овод. Ну конечно, где бы он еще покупал свою вышивку. Хотя я в этом темном магазине через дорогу наверняка была практически невидима, он безошибочно взглянул в мою сторону, просиял и поднял руку в приветственном жесте. Все прохожие на улице – включая стайку молодых женщин, поджидавших его у входа, – с нетерпением вытянули шеи, пытаясь понять, какая же важная персона привлекла его внимание.

– Он подойдет, – объявила я. Положила на стойку монеты и закинула на плечо сумку, старательно избегая смотреть на Финеаса, чей восторг только что достиг новых невиданных масштабов. – Овод – мой самый уважаемый покрови-

тель, и ему доставляет удовольствие, если он первым открывает новое Ремесло. Твои шансы с ним наиболее велики.

Я говорила о шансах не только в смысле удачных продаж. Сотрудничество с Оводом было бы для Финеаса также наиболее безопасным. Если бы в свои нежные двенадцать лет я, начиная карьеру Ремесленницы, имела дело с кем-то другим, то даже с помощью Эммы вряд ли дожила бы до семнадцати. И даже несмотря на это, я не могла избавиться от чувства, что моя услуга Финеасу – как обоюдоострый нож, что это сокровенное желание, которое я исполняю, однажды либо уничтожит парня, либо просто разочарует его. Чувство вины преследовало меня до самой двери. Но, обхватив ручку двери, я вдруг оцепенела.

Рядом со входом на стене висела картина. Потускневшая от времени, она изображала мужчину на холме, окруженном деревьями со странной разноцветной листвой. Лицо мужчины было затемнено, но в руках он держал меч, чей клинок мерцал ярко даже в полумраке. Туча бледнотелых гончих рилилась у подножия холма; некоторые рвались к вершине, замершие в полупрыжке. Волоски на моих руках встали дыбом. Я знала эту фигуру. Он был довольно популярным персонажем картин, написанных три сотни лет назад или раньше. Тогда он вдруг перестал посещать Каприз, не предоставив никаких объяснений. Каждая из работ изображала его вдалеке, в пылу сражения с Дикими Охотниками.

И завтра он окажется в моей студии.

Я толкнула дверь, коротко поклонилась Оводу и торопливо зашагала прочь от магазина, пробираясь через толпу прохожих с опущенной головой. Кто-то позвал меня по имени, вероятно, надеясь на ту же услугу, что и Финеас. Теперь, когда Эмма сообщила мне об этом, я и сама замечала: правда была написана у каждого на лице. Все они следили за мной, ждали, когда я приму приглашение, над которым я даже под страхом смерти не стала бы раздумывать и секунды. Я не смогла бы объяснить это никому из них, но для меня Зеленый Колодец вовсе не казался райской наградой за труды. Это был настоящий ад.

Низкое солнце жарило мне в спину, пока я шла домой. Башмаки шлепали по тропе, ведущей через пшеничное поле, под ритмичную трескотню кузнечиков, и под прямыми лучами летняя жара казалась особенно невыносимой. Наконец, вся моя шея взмокла от пота; я чувствовала неприятный липкий холод всякий раз, когда налетал порыв ветра, сдувавший мои волосы. Кривые, ярко раскрашенные крыши города вскоре скрылись за холмами, которые моя тропа пересекала, как пробор в женской прическе. Быстрым шагом мне было ровно тридцать две минуты пешего ходу до дома.

В Капризе всегда стояло лето. Здесь времена года не сменяли друг друга по прошествии времени, как в Запредельном Мире. Даже представить себе такое было трудно. Странные разноцветные деревья с той картины, что я увидела, преследовали мое сознание, как недавний сон. Осень каза-

лась мне пугающим временем: увядание мира, исчезновение птиц, обесцвеченные листья, падающие с деревьев на землю, как мертвые. Конечно, то, что происходило у нас, было намного лучше. Безопаснее. Бесконечно голубые небеса и вечно золотая пшеница могли наскучить, но я повторяла себе, уже не в первый раз, что глупо стремиться к чему-то другому. Были вещи и похуже скуки. Люди из Запредельного Мира знали эти страдания не понаслышке.

Неожиданное дуновение ветра, принесшего запах гнили, выдернуло меня из размышлений. Здесь моя тропа вилась вдоль края леса, и я бросила настороженный взгляд в сторону тенистой глуши. Густые заросли жимолости и цветущего шиповника преграждали путь как живая изгородь. Давным-давно, во времена куда менее спокойные, когда железо еще не было объявлено вне закона, фермеры рисковали жизнями, забивая железные гвозди в деревья на границе леса, чтобы отвести зловредных фейри. Эти старые изогнутые гвозди, заржавевшие и истерзанные до неузнаваемости, всегда казались мне жутковатым зрелищем.

Снова бросив взгляд в тени подлеска, я не заметила ничего странного. Скорее всего, из колеи меня выбил труп какой-нибудь белки, гниющий неподалеку. Немного успокоившись, я наклонилась, чтобы уже в четвертый или пятый раз проверить свою сумку и убедиться, что я ничего не оставила в магазине. Странная привычка, ведь я никогда ничего не забывала. Когда я снова подняла голову, что-то было не так.

На следующем холме, под одиноким дубом, который отмерял половину пути до моего дома, стояло какое-то существо.

Сначала я приняла его за оленя. Невероятно огромного, но форма тела была более-менее похожей: четыре ноги, два ветвистых рога. Но потом оно повернулось ко мне, и я сразу поняла, что ошиблась.

Все вокруг изменилось в одночасье. Ветер стих; воздух застыл и стал невыносимо душным и горячим. Птицы перестали петь, кузнечики – стрекотать, и даже колосья поникли в неподвижном воздухе. Запах гниения сделался нестерпимым. Я бросилась наземь, но было уже поздно.

Не-олень следил за мной.

Несмотря на жару, лихорадочная волна холода пробежала по моей коже и свернулась в клубок где-то в желудке. Я знала, что это было за существо. Я также знала, что мне не жить. Никто не мог убежать или спрятаться от такого чудовища. Оно выбралось из могильного кургана – гротескное слияние магии фейри и древних человеческих останков. Некоторые такие существа служили или охраняли своих хозяев. Некоторые выползали из-под земли без приглашения. Один из таких монстров убил моих родителей, когда я была маленькой – так жестоко, что Эмма не позволила увидеть их тела. И теперь мне была уготована такая же смерть. Мое сознание не могло справиться с этой мыслью, поэтому следующим, о чем я подумала, было то, что не следовало тратить деньги на новые пигменты: использовать их мне уже все рав-

но было не суждено.

Чудовище опустило голову и оглушительно заревело. Это был глубокий, поразительный и в то же время отвратительный звук – как будто кто-то подул в древний, когда-то драгоценный охотничий рог, до краев набитый гниющим мхом. Тяжеловесное тело заходило ходуном, когда он, выставив рога вперед, бросился вниз с холма.

Я подскочила на ноги и бросилась бежать. Не в сторону дома, который уже виднелся вдалеке, в километре отсюда, а в противоположном направлении, в поле. В последние мгновения своей жизни стоило сделать хоть что-то небесполезное: например, отвести эту тварь как можно дальше от семьи.

Пшеница расступалась вокруг моих юбок. Стебли гнулись под подошвами башмаков, и зрелые колосья до рубцов хлестали меня по голым рукам. Тяжелая сумка болталась из стороны в сторону и била меня по бедрам, затрудняя бег. Сначала я не слышала ничего, только собственное лихорадочное дыхание. Все казалось нереальным. Как будто я бежала по полю в этот прекрасный солнечный день просто для удовольствия.

Потом холодная тень накрыла мою взмокшую спину, и тьма окутала меня. Пшеница билась, как волны океана в грозу. Копыто врезалось глубоко в землю рядом со мной. Я отшатнулась, оступилась и упала, барахтаясь в высоких стеблях. Чудовище нависло надо мной.

По обманчивому облику оленя прошла рябь, как блики солнца на воде. В темных дырах иллюзии стало заметно скелетоподобное создание из разлагающейся древесной коры, обвитой лозами, похожими на щупальца: выхолощенный череп вместо лица и гигантские рога из пары кривых шипастых веток длиной в человеческий рост. Существо было поражено болезнью: когда оно фыркнуло и подняло одну из дрожащих ног, кусочки коры откололись и посыпались на землю. Блестящие жуки разбежались от них во все стороны, заполняя мне в чулки. Меня замутило от вкуса гнили во рту.

Чудовище поднялось на дыбы, заслоняя солнце. «Последним, что я увижу, – подумалось мне, – будет это созвездие личинок, расползающихся у него по животу».

Я не сразу поняла, что произошло, но в следующий момент чудовище вдруг просто упало наземь передо мной, превратившись в обмякшую кучу древесины, изъеденной червями. Многоножки длиннее моей руки уползли в траву; вспорхнули два огромных пятнистых мотылька. Кузнечики снова начали стрекотать, как будто ничего не произошло, а я продолжала лежать на земле. Все мое тело дрожало, и в ушах стучала кровь. С воплем отвращения я пнула кучу останков. Кости рассыпались во все стороны вместе с корой. Человеческий труп, на котором существо паразитировало, был уничтожен.

– Я выслеживал его целых два дня. Мог бы и не нагнать, если бы вы не привлекли его внимание, – произнес теплый,

жизнерадостный голос. – Оно называется тан, если вам это интересно.

Я перестала смотреть на останки чудовища и вскинула голову. Передо мной стоял мужчина; солнце било ему в спину, поэтому я не могла разобрать черт его лица, только то, что он был высок, тонок и сейчас как раз возвращал обнаженный меч в ножны.

– Привлекла его... – Я запнулась в смятении, пораженная этими оскорбительными словами. Он говорил, как будто для него это было каким-то спортом, как будто моя жизнь ничего не значила. Это, впрочем, все объясняло. Незнакомец, может, и выглядел как человек, но он им определенно не был.

– Спасибо, – опомнилась я, не собираясь более протестовать. – Вы спасли мне жизнь.

– Неужели? От тана? Что ж, полагаю, да. В таком случае был рад помочь... О, я не знаю вашего имени.

Дрожь беспокойства пробежала по коже, как гром в ночи. Он не узнавал меня, а это значило, что Каприз он посещал редко. Кем бы он ни был, он должен быть опаснее всех фейри, с кем я когда-либо встречалась. И, как и все представители своего вида, он не мог не спросить у меня мое настоящее имя. Я помедлила, оценивая свой разум и чувства, и пришла к выводу, что он не наложил на меня никаких чар, развязывающих язык и заставляющих открывать опасные секреты. В Капризе никто не использовал имя, данное при рождении. Это могло сделать человека уязвимым для действия приво-

рота, позволяющего фейри вечно контролировать тело и душу смертного так, что тот даже не будет об этом догадываться, – такое могущество крылось всего в одном тайном словечке. Это была самая опасная форма магии фейри, и ее боялись больше всего.

– Изобель, – представилась я, поднимаясь на ноги и делая книксен.

Если он и понял, что я дала ему свое ненастоящее имя, то не показал виду. Перешагнув через кучу останков чудовища одним махом, мужчина низко поклонился и взял меня за руку, потом слегка поднял и поцеловал. Я скрыла свое недовольство. Если уж ему так надо было прикоснуться ко мне, мог бы хотя бы позволить сначала встать.

– Был рад помочь, Изобель, – произнес он.

Прикосновение его губ к моим костяшкам было холодным. Когда он стоял так, со склоненной головой, я могла видеть только его волосы – непослушные, курчавые и темные, с едва заметным в солнечном свете красноватым отблеском. Эта отчетливая неопрятность делала его похожим на сокола или ворона, чьи перья раздул случайный порыв ветра. И, как и с Оводом, я чувствовала его запах: пряность хрустящих сухих листьев, прохладных ночей под ясной луной, дикость, тоску. Мое сердце все еще колотилось из-за встречи с чудовищем и – не менее опасной – встречи с фейри в безлюдном поле. Поэтому прошу простить мою глупость, но внезапно подумалось, что этот запах – то, чего бы мне хотелось боль-

ше всего на свете. Мне хотелось его, и эта жажда была практически пугающей. Не конкретно его, этого незнакомца, нет, но чего-то великого и таинственного, с чем был связан этот запах, – обещания, что где-то там, далеко, мир был иным.

Ну, так дело не пойдет. Я наконец решила продемонстрировать свое раздражение, подняв его, как флаг на мачту.

– Никогда так долго не наслаждалась поцелуем руки, сэр.

Он выпрямился.

– Для фейри нет такого понятия, как «долго», – ответил незнакомец с легкой улыбкой.

На вид мужчина казался всего годом или двумя старше меня, но, конечно, его истинный возраст был примерно в сотню раз больше. Аристократические черты лица контрастировали с непослушными волосами, а рот показался мне настолько экспрессивным, что я сразу же захотела его зарисовать. Тени на уголках губ, небольшой изгиб с одной стороны, где его улыбка становилась немного кривой...

– Я сказал, – заметил он, – что для фейри нет такого понятия, как «долго».

Я подняла глаза. Он разглядывал меня озадаченно и заинтересованно, с неизменной улыбкой. Вот где таился его изъян: цвет глаз странного аметистового оттенка, выделяющийся на фоне его золотисто-бронзовой кожи, напоминавшей опавшие листья в блеске вечернего солнца. Необычный цвет был не единственным, что показалось мне странным в его глазах, но я при всем желании не могла понять почему.

– Прошу прощения. Я художница-портретистка и имею привычку разглядывать людей, в процессе забывая обо всем, что со мной происходит. Я услышала, что вы сказали. Мне просто нечего ответить.

Взгляд фейри скользнул по моей сумке. Когда он снова поднял глаза на меня, его улыбка исчезла.

– Конечно. Могу представить, что наши жизни находятся за пределами человеческого понимания. По большей части.

– Знаете ли вы, почему тан вышел из леса в Каприз, сэр? – спросила я. Мне показалось, что он ждет от меня какого-то одобрения своей загадочности. Я, впрочем, хотела, чтобы этот разговор получился коротким и практичным. Чудовищ у нас видели редко, и это неожиданное появление было более чем пугающим.

– Не могу сказать. Возможно, его выгнали Дикие Охотники, а возможно, ему просто захотелось прогуляться. В последнее время их стало больше, и из-за этого у всех неприятности.

«В последнее время» могло значить что угодно в его понимании. Этот промежуток времени мог захватывать и смерть моих родителей.

– Да, смерти людей бывают... неприятными.

Его брови чуть приподнялись, и на переносице появилась морщинка; взгляд стал испытующим. Он знал, что чем-то расстроил меня, но, как любой фейри, не мог взять в толк, чем. Горе человеческой смерти было понятно ему не более,

чем лисе было бы свойственно оплакивать убийство мыши.

Я знала одно: не стоило оставаться здесь, пока он не решит, что это замешательство чем-то оскорбило его самого и причина этого замешательства заслуживает мести в виде какого-нибудь мерзкого проклятия.

Я склонила голову и снова сделала реверанс.

– Люди Каприза благодарны вам за защиту. Я никогда не забуду того, что вы для меня сегодня сделали. Хорошего вам дня, сэр.

Я подождала, пока он поклонится в ответ, а потом развернулась, чтобы уйти.

– Подождите, – произнес он.

Я оцепенела.

Позади меня послышался шорох колосьев.

– Я что-то не так сказал. Прошу извинить меня.

Я медленно оглянулась на него через плечо. Он смотрел на меня странно, неуверенно. Я понятия не имела, как реагировать. Фейри время от времени высказывали свои извинения – так как очень высоко ценили хорошие манеры, – но по большей части следовали системе двойных стандартов, согласно которой они требовали вежливости от людей, в свою очередь делая все возможное, лишь бы только не признавать неадекватность собственного поведения. Я была шокирована. Так что в ответ ляпнула первое, что пришло мне в голову:

– Ваши извинения приняты.

– О, хорошо. – Он снова улыбнулся, и вместо неуверенно-

сти в его выражении мгновенно появилось самодовольство. — В таком случае увидимся завтра, Изобель.

Я уже начала шагать прочь по дороге, когда смысл слов наконец достиг моего сознания. Я быстро обернулась, но феяри, который оказался никем иным, как осенним принцем, уже исчез: на пустой траве качались стебли пшеницы, и единственным живым существом во всем поле был только ворон, летящий в сторону леса. Его перья блеснули красноватым, заиграв на солнце.

Глава 3

Я ВСЕ ЕЩЕ понятия не имела, когда принц прибудет в мою мастерскую. Тем временем тетя наносила кому-то в городе визит, так что ответственность за то, чтобы выгнать девочек-козлят из кухни, ложилась на мои плечи. Легко сказать.

– Он заявил, что у нас странные имена! – визжала Май. Март тихо хныкала, сидя у печи. Моя ненависть к мальчишке-пекарю росла с каждой секундой. Хотя, по правде сказать, в остальном он казался довольно милым. И не то чтобы был неправ.

Я присела на корточки и взяла их обеих за плечи.

– Ну, когда мы с тетей Эммой выбирали имена, – заметила я, – вы были козлятами. Когда вас заколдовали, вы уже откликались на Март и Май, а еще мы не были уверены, что колдовство будет долговечным, так что решили ничего не менять.

Март придушенно всхлипнула. Мне нужно было выбрать другую тактику.

– Слушайте, хочу задать важный вопрос. Что нравится вам больше всего?

– Пугать людей, – подумав, ответила Май. Март открыла рот, а потом закивала.

О боже.

– Это довольно странно, не так ли?

Май смерила меня тяжелым взглядом.

– Может быть.

– Да, точно странно, – подтвердила я. – Но странно – это ведь необязательно плохо? Это может быть очень даже хорошо – пугать людей или есть саламандр. Гарольд сказал вам комплимент.

– Хм-м-м, – протянула Май. Я вряд ли ее убедила. Но по крайней мере Март перестала плакать, поэтому, чтобы сохранить хоть толику рассудка, я мысленно признала за собой относительную победу в этом раунде.

– А теперь идите. Вам нужно поиграть на улице, пока наш гость не уйдет. Только не заходите за край пшеничного поля.

Подталкивая их к двери, я чувствовала, как в животе ворочается склизкий ком страха. Если из леса вылезет еще одно чудовище...

Такие вещи происходили, конечно, очень редко, и я не забыла, с какой легкостью принц вчера справился с монстром. Мы были в безопасности, пока он находился здесь, в Капризе. Однако страх никуда не исчез, и я добавила:

– Если кузнечики затихнут, сразу же возвращайтесь в дом. Май вскинула брови с подозрением.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– Почему мы не можем просто поиграть дома?

Я поспешно спустилась вместе с ними с крыльца; поко-

сившаяся кухонная дверь захлопнулась за нами. С облегчением я отметила, что снаружи все выглядело прилично. Куры квохтали, разбежавшись по двору, листья деревьев трепетали на легком ветру, тени облаков плыли по холмам. Но Май продолжала смотреть на меня. Стало понятно, что мой живот все еще сводит от страха, и это, должно быть, отражается у меня на лице.

– Вы и сами это знаете, – быстро ответила я, подавляя в себе чувство вины.

Причин было немало. Май не раз роняла мои мольберты; Март испытывала неодолимую тягу к поеданию прусской лазури. Но, самое главное, они не нравились феяри. Я сделала вывод, что близняшки смущали их – как живое, зримое доказательство их ошибок, и к тому же очень мощное. Я точно знала, что их нельзя приворожить: Март и Май были их настоящие имена. Если бы феяри могли использовать это знание против них, они бы уже давно это сделали.

Март радостно заблеяла и поскакала к поленнице, но Май продолжила смотреть на меня.

– Не волнуйся, с нами ничего не случится, – наконец сказала она серьезно, похлопав меня по коленке. Потом побежала следом за сестрой.

В глазах защипало. Чтобы чем-то себя занять, я разгладила юбки и заправила за уши несколько выбившихся волосков. Не хотелось, чтобы они видели мое смятение, и признавать его сама тоже не собиралась. Когда я все свои силы вкла-

дывала в то, чтобы сохранять порядок в доме, то могла не думать о том, что произошло с моими родителями, или о том, почему это событие приводило меня в такой ужас даже спустя двенадцать лет, хотя я ничего тогда не видела и не слышала. Но, очевидно, я недостаточно хорошо скрывала свой страх. Даже Май замечала.

Хриплый крик ворона раздался из листвы дерева, отбрасывающего тень на наш двор.

– Кыш! – рявкнула я, даже не поднимая головы. Вороны отпугивали певчих птиц, гнездившихся в наших кустах, и мы с Эммой их недолюбливали.

Мое беспокойство утихло в лучах теплого солнца при виде Март и Май, забирающихся по бревнам наверх. Издалека отличить их можно было только по разным белым пятнам на розовой коже: у Май пятно закрывало левую щеку и нос. У каждой были копна черных кудряшек, дырка между передними зубами и странно зловещие брови. Они походили на парочку купидонов, решивших, что поражать людей настоящими стрелами будет куда веселее. Они были абсолютно ужасны. Я их обожала.

Но я никак не могла выбросить из головы грядущий визит принца, и предчувствие неустанно билось волнами о темные берега моего подсознания.

Ворон снова каркнул.

На этот раз я подняла голову. Птица покачала головой, разглядывая мое хмурое лицо; потом взъерошила перья

и попрыгала по ветке. Когда ее силуэт оказался на свету, я ахнула. Перья на спине отсвечивали красным, и мне показалось, что ее глаза необычного цвета.

Я поспешно присела в реверансе, а потом ринулась внутрь дома. С одной стороны, очень надеялась, что этот ворон не окажется принцем; с другой – в таком случае я только что поклонилась какой-то птице, а потом сбежала от нее. Кухонная дверь за моей спиной захлопала: бах, бах, бах.

Четвертый удар прозвучал следом, но это был уже не просто стук покосившейся двери. Кто-то просил разрешения войти.

– Войдите! – крикнула я, лихорадочно оглядываясь. Лучше бы я этого не делала.

Схватив первый попавшийся горшок, я срочно сунула его в раковину. Не знаю, был ли он вообще грязным, но больше ничего сделать я не успела. Дверь отворилась, и осенний принц вошел в дом. Дверной проем был рассчитан на людей нормального роста, поэтому ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться лбом о косяк.

– Добрый день, Изобель, – сказал он, поклонившись.

Я еще ни разу не приглашала фейри к себе на кухню. Это была маленькая комната с необработанными каменными стенами и проседающими от старости половицами. Света, проникающего внутрь сквозь единственное крошечное окно под потолком, как раз хватало, чтобы привлечь внимание к стопке немытой посуды возле серванта и печальной

кучке торфа, тлеющей в нашей маленькой топке.

Принц же выглядел так, будто только что вышел из золоченой повозки, запряженной дюжиной белоснежных жеребцов. Я не запомнила, во что он был одет вчера, но такой наряд точно врезался бы мне в память. Подогнанный по фигуре темный шелковый плащ, отороченный вельветом медного оттенка, почти доставал до земли подобно мантии. На лбу у него была тиара, тоже медная, с отсветами зеленой яри-медянки; и, хотя его непослушные волосы, кажется, жили собственной жизнью и за ними головной убор был практически незаметен, я смогла разглядеть, что узор на нем напоминал переплетенные листья. Воротник его плаща был заколот брошью в виде ворона: без сомнения, реликвия еще прошлой эры. Вчерашний меч все еще висел в перевязи у него на поясе.

И стоял он в каком-то метре от луковых очистков, которые я тем утром забыла подмести.

Я уже нарушила все существующие правила этикета. Нужно было сказать ему что-нибудь содержательное и осмысленное.

– Что случится, если у вас не будет возможности поклониться в ответ? – брякнула я вместо этого.

Пока я собиралась с мыслями, принц изучал пристальным взглядом черпак, лежавший на столе, но сейчас уставился на меня. «Что с тобой такое?» – как будто говорил озадаченный взгляд его аметистовых глаз.

– Не уверен, что понимаю.

Однажды эти гнилые половицы должны были проломиться. Почему бы не оказать мне услугу и не сделать это сейчас?

– Если кто-то кланяется вам или делает реверанс, но у вас нет возможности тут же ответить тем же, – пояснила я, слыша свой голос как будто со стороны.

Понимание озарило черты его лица, и знакомая легкая улыбка растянула губы. Он чуть наклонился в мою сторону и встретился со мной взглядом, как будто рассказывал очень важный секрет. Возможно, так оно и было.

– Это ужасно неприятно, – тихо признался он. – Мы вынуждены разыскивать человека, который это сделал, и пока не найдем, не можем больше ни о чем думать.

– Кажется, я сейчас поставила вас именно в такое положение. Прошу прощения.

Он распрямился, как будто забыв о моем существовании.

– Разыскивать вас было для меня честью, – ответил он тепло, хоть и немного отвлеченно. Потом он поднял со стола шампур. – Это оружие?

– Нет, технически вещь не для этого.

– Ясно, – произнес он. Прежде чем я успела его остановить, он пересек кухню тремя гигантскими шагами, чтобы изучить сковородку, висящую на гвозде. – Это уж точно оружие.

– Это не... – Никогда еще при разговоре с фейри я не чувствовала себя такой косноязычной. – Ну... Этот предмет

можно использовать как оружие, но изначально он для готовки.

Он оглянулся в мою сторону.

– Ремесло кулинарии, – пояснила я, заметив на его лице выражение вежливого ужаса.

– Да, я знаю, что такое готовка, – заметил он. – Просто я поражен, как много инструментов вашего Ремесла могут иметь двойное предназначение. Есть ли хоть какие-то предметы, которые люди не могут использовать для убийства друг друга?

– Вероятно, нет, – признала я.

– Как необычно. – Он остановился, разглядывая потолок. Не дожидаясь, пока он прокомментирует здесь что-нибудь еще, я прочистила горло и снова присела в реверансе.

Немного нахмурившись, он обернулся и поклонился в ответ.

– Обычно я принимаю клиентов в мастерской, она находится в другой части дома. Может быть, начнем? Я бы не хотела отнять у вас слишком много времени.

– Да, разумеется, – ответил он. Пока мы шли по коридору, принц продолжал смотреть куда-то вверх, а потом совсем замер, прикоснувшись к белой отштукатуренной стене. Я тоже остановилась, дожидаясь, пока он закончит. На моем лице застыла натянутая улыбка – проверенный способ сдерживать раздраженный вопль.

– На этом доме лежит очень сильное заклятие, и, ко всему

прочему, довольно странное, – заметил он наконец.

– Да. – Я двинулась дальше и с облегчением услышала за спиной шорох его плаща. – Это первая оплата моего труда, которую я получила, когда начала рисовать портреты. Мне потребовался целый год, чтобы заслужить ее. Ни один фейри...

– Не может причинить вред обитателям это дома в его стенах, пока вы живы, – закончил он негромко. – Впечатляет. Работа Овода?

Я кивнула, сдержав порыв оглянуться через плечо. Запах мастерской уже чувствовался отчетливо, и привычка помогла мне вести разговор более церемонно.

– Я имею счастье называть его своим меценатом уже много лет. Могу ли спросить, почему заклятие кажется вам странным?

– Никогда не видел подобных чар. И тем более не ожидал такого от Овода.

На этот раз уже мне чуть не пришлось замереть на месте. Я почти физическим усилием заставила себя продолжить движение, вошла в мастерскую и почти автоматически принялась собирать уголь, необходимый мне для сегодняшнего наброска. Неужели чары испортились? Или тогда, давным-давно, я все же что-то сказала не так, позволив Оводу оставить лазейку в нашей договоренности? Самая крошечная возможность была пугающей до тошноты, и я почувствовала, как руки и ноги немеют.

– Как принц я при желании мог бы разрушить любые чары, – продолжал он, все еще оглядываясь, рассматривая что-то незримое мне, – но, сказав, что это заклятие очень сильное, я не преувеличивал. Оно неподвластно даже мне. Овод, должно быть, потратил много усилий на то, чтобы осуществить такую ма́стерскую работу, что ему не свойственно: насколько я его знаю, он и со стула не стал бы подниматься без особой необходимости. Ваше Ремесло, должно быть, очень дорого ему. Начинаю понимать, почему он так настаивал на том, чтобы я заказал у вас портрет.

Я медленно выдохнула.

Кое-что из сказанного принцем звучало подозрительно: я полагала, что Овод не имел никакого прямого отношения к нашей сегодняшней встрече, но остальное заставило меня почувствовать такое облегчение, что я почти сразу отмахнулась от этой мысли.

– Я понятия не имела, – проговорила я. – Вы первый, кто мне сообщил. Раньше никто этого не упоминал.

Принц прошел мимо меня; рукава его одежд коснулись моей руки. Мастерская чрезвычайно заинтересовала его. Это была самая большая комната во всем доме – и самая захламленная, хоть мы и старались изо всех сил регулярно приводить ее в порядок. Незанятым сейчас оставался только небольшой диван у окна. На столике слева от меня стояли хрустальная ваза с двумя павлиньими перьями, набор импортного фарфора, стопка книг в кожаных переплетах и пу-

стая птичья клетка. Обитые парчой стулья были завалены разнообразными драпировками всех оттенков и узоров. Так было во всей комнате: в каждом углу, в каждой щелочке – новая коллекция диковинных вещей, как будто моя мастерская была своеобразным эклектичным музеем человеческого Ремесла в миниатюре. И в центре всего этого скромно располагались мои стул и мольберт.

Принц, кажется, слишком увлекся и не собирался отвечать, поэтому я продолжила:

– Работая с меценатами из числа людей, портретисты обычно отправляются к ним на дом и работают там. Так как я, конечно, не могу проделать подобное с фейри, мы выбираем подходящие декорации для фона прямо здесь, в этой комнате.

– Это сковывает нас, – пробормотал принц, осторожно дотронувшись до птичьей клетки. Одними кончиками пальцев он провел по тонким металлическим прутьям. Мне вдруг вспомнился ворон на ветке дерева. О чем бы он ни говорил, мне следовало проявить сообразительность и заранее отнести клетку в другую комнату. Никогда еще мои клиенты, окруженные всей этой безвкусной бутафорией, не выказывали ничего, кроме полнейшего восторга.

Он отдернул руку и обернулся. Задумчивость на его лице исчезла и снова сменилась улыбкой, как утренний туман, растаявший в лучах солнца.

– Я имею в виду чары, наложенные Оводом. Почему ни-

кто не упоминал об этом. Ощущение, как будто вокруг твоих запястий – пара наручников, легких, как паутина, но крепких, как железо. Ни одному фейри не нравится признавать свою слабость.

– Но вы исключение, сэр?

– О нет, совсем нет. Мне это тоже не доставляет удовольствия. – Кривая улыбка стала шире, и на одной щеке появилась ямочка. – Просто я не особенно осмотрителен, как вы, должно быть, заметили.

Я действительно заметила. Он не был похож ни на одного из фейри, кого я когда-либо встречала.

– Как мне следует обращаться к принцу? – сменила я тему, пересекая комнату в поисках драпировки, которая могла бы стать подходящим фоном для его туалета.

– Подобные формальности у нас не в ходу, – сказал он. – Я думал, вы это и так уже знаете. – Откуда? Я не имела привычки устраивать званые обеды для членов королевской семьи. – Как бы там ни было, мое имя Грач.

Я не сдержала улыбку.

– Оно вам подходит, сэр.

Он бросил на меня быстрый взгляд, изучая мое лицо, и его улыбка, кажется, стала почти доверительной. Я не знала, что фейри могли так улыбаться. Стоя с ним рядом, я вдруг поняла, что макушкой достаю ему только до груди. Щеки у меня потеплели.

О господи! Я должна работать.

– Думаю, вот эта ткань будет в самый раз, – предложила я, поднимая кусок тяжелого шелка цвета ржавчины с медной вышивкой.

Он помедлил, разглядывая ткань почти с нетерпением. Эта часть моей работы всегда казалась мне интересной. О фейри сложно было узнать много, но иногда их эстетические предпочтения приоткрывали завесу тайны и позволяли заглянуть им в душу (если у фейри вообще были души – этот вопрос всегда вызывал у деятелей церкви ожесточенные дебаты). Овод обожал захламлять свои портреты кучей безделушек, имеющих дорогой вид. Другой мой покровитель, Ласточка, предпочитал лишь полезные в быту объекты, которые уже были когда-то использованы: полусожженные свечи, книги с треснувшими корешками и потертыми уголками.

Грач покачал головой, отвернулся от предложенной ткани и наклонился, чтобы изучить несколько стеклянных ваз – работу Ремесленников-стеклодувов. Он рассматривал статуэтки, зеркала, корзины, полные фруктовых муляжей, химические колбы, перьевые ручки – тихий, сосредоточенный и оттого особенно привлекающий внимание. Я не могла представить, о чем он сейчас думает. Наконец, принц вернулся к птичьей клетке и поднял голову, встретившись со мной взглядом. На его лице снова появилась та непостоянная улыбка.

– Я решил, что не хочу никаких предметов на портрете, – объявил мужчина, направляясь к дивану. Он уселся на него,

вытянув одну руку вдоль спинки, глядя на меня так пронизательно, как будто прекрасно понял, почему я разглядывала его. – Если уж вам придется смотреть на что-то часами, пусть это буду только я.

Мне еле удалось сохранить серьезное выражение лица.

– Как великодушно с вашей стороны, сэр. Мне потребуется куда меньше времени на портрет, если, кроме вас, на нем не будет ничего лишнего.

Он немного выпрямился и нахмурился; аристократические черты омрачила тень раздражения.

Что я делала? Раздражение фейри легко – так легко – могло превратиться в приступ гнева. На меня это было совсем не похоже. Столько лет осторожности, и всего несколько минут чуть не заставили меня оступиться. Замолчав, я села у мольберта, оправила юбки и выбрала кусочек угля. Постаралась вытеснить все остальные мысли из головы.

Мне сложно объяснить, что происходит, когда я беру в руки кусочек угля или кисть. Могу лишь сказать, что мир преобразуется. Я вижу обычные вещи совершенно иначе. Лица становятся не лицами, а сложными структурами, составленными из света и тени, форм, углов и текстур. Глубокий и ясный блеск радужки глаза, в котором отражается дневной свет из окна, становится изысканным и неотразимым. Диагональная тень, пересекающая воротник клиента, светлые нити бликов, горящие в его волосах, как золото, заставляют меня испытывать почти физический голод. Мой разум,

моя рука не принадлежат мне. Я пишу не потому, что хочу или как-то особенно хороша в этом, но потому что должна делать это, потому что этим живу и дышу, потому что для этого и была создана.

Все мои заботы исчезают под шорох угля по бумаге. Я не замечаю мягких черных крошек, сыплющихся вниз, мне на колени. Сначала круг, свободный, энергичный, захватывающий форму лица Грача. Потом живые широкие линии, чтобы набросать его удивительные космы, его корону.

Нет.

Я срываю бумагу с мольберта, швыряя ее на пол, и начинаю новый набросок. Лицо, волосы, корона. Брови – темные, изогнутые. Кривая улыбка. Массивные плечи. Хорошо. Лучше. Теперь в комнате оказались уже два Грача, и оба наблюдали за мной. Ни один из них не казался мне реальнее другого. За моим мольбертом живой Грач наклонил голову, чуть сдвинулся с места. Я чувствовала, что он следит за моими движениями, но мне было все равно – лихорадка моего Ремесла захватила меня. Однако краем сознания я все равно отметила, что он становился беспокойнее. В голову пришли слова Овода: что-то о том, что Грач не может усидеть на месте.

– Погодите, – произнес он, и я тотчас перестала штриховать. Я смотрела на него, вновь привыкая к реальному миру, как будто только что слишком долго рассматривала оптическую иллюзию. Выражение его лица показалось мне встрево-

женным. На мгновение я испугалась, что он собирается отменить наш сеанс.

– Все уже... – он нахмурился, подбирая слова, – окончательно? На портрете? Вы сможете его изменить?

Пока он говорил, я задержала дыхание, но сейчас выдохнула. Всего-то.

– На этом этапе я могу изменить что угодно. Когда я начну писать, вносить изменения будет труднее, но я по-прежнему смогу делать поправки на протяжении всей работы.

Какое-то время Грач ничего не говорил. Он посмотрел на меня, потом отвернулся и, отстегнув со своего воротника брошь в форме ворона, положил ее в карман.

– Превосходно, – оценил он. – Это все.

Я бы солгала, если бы сказала, что его поведение не вызвало у меня любопытства. Брошь, разумеется, была работой человека, Ремесленника, как и все остальные предметы его одежды. Когда-то давно Грача хорошо знали в Капризе, но однажды он просто перестал здесь появляться. Фейри ценили Ремесло больше всего на свете. Что за катастрофа должна была произойти, чтобы он отказался от своей привычки? И не было ли это как-то связано с тем предметом, который он только что предпочел убрать с глаз долой?

Но, возможно – более вероятно, почти наверняка, – брошь просто вышла из моды, или же он устал ее носить, или просто решил, что она плохо сочетается с цветом его пуговиц и хотел отдать ее на перековку. Он был фейри, а не смерт-

ным пареньком. Я не должна была попасться в ловушку, начав сочувствовать ему. Это был самый старый, излюбленный и опасный из трюков прекрасного народца.

Я вернулась к работе. набросок выглядел похожим, но один изъян стал беспокоить меня, пока я вычищала штрихи. С его глазами что-то было не так. Я несколько раз стирала уголь с бумаги кусочком влажного хлеба и начинала заново, но ни одна новая попытка не приблизила изображение к совершенству. Каждая деталь, от формы век до изгиба ресниц, абсолютно точно передавала его образ – но в целом они не могли передать... его душу, если можно так выразиться. У меня никогда еще не возникали такие проблемы с прошлыми клиентами фейри. Да что сегодня со мной не так?

Угольный кусочек сломался в моей руке. Половинка перекатилась по половицам и исчезла под диваном. Я поднялась со стула, чтобы достать его, но Грач наклонился и передал его мне. Прежде чем вернуться на место, он остановился, рассматривая мою работу. Мне показалось, что он еле слышно ахнул.

Принц наклонился ближе, чтобы рассмотреть набросок.
– Так вы меня видите? – спросил он тихо и удивленно.

Я не знала, как ответить на это. Непонятный изъян уродовал работу.

– Так вы выглядите, сэр, – наконец нашлась я. – Но набросок еще нуждается в значительных улучшениях. Я бы хотела еще немного поработать над ним, прежде чем мы закончим.

Грач почти застенчиво коснулся своей короны, потом сел на место. Помедлив, он положил руку обратно на спинку дивана и, чуть подождав, подвинул ее так, чтобы совпадение с прежней позой было идеальным.

Оставшееся время сеанса мы провели в тишине. Не в той строгой, неуютной тишине, которая висела надо мной в присутствии других фейри, но в молчании более теплом и нерешительном. Это напомнило мне тот день, когда я пошла в город и сидела, читая, в тени своего любимого дерева, а потом вдруг заметила другую девочку за тем же занятием. Мы коротко поприветствовали друг друга и все оставшееся время провели вместе в тишине. Через несколько часов разошлись по домам, но я чувствовала, что мы подружились, хотя обменялись всего парой слов. Потом я узнала, что она вместе с родителями уехала жить в Запредельный Мир.

Я поняла, что уже поздно, только когда за окном показались две кудрявые головки. Грач не замечал близняшек, подглядывающих в мастерскую, пока Май не прилипла к окну вплотную и не принялась дуть на стекло. Тогда он обернулся, не успев, впрочем, увидеть, как они пригнулись, оставив на стекле лишь уменьшающееся пятнышко пара.

Солнце почти село. Я все еще не поняла, что не так с глазами Грача.

Его брови дернулись чуть разочарованно, когда я сообщила ему, что на сегодня мы закончили.

– Могу ли я вернуться завтра? – спросил он.

Я подняла голову, развязывая фартук наощупь.

– Овод назначил сеанс. Может быть, послезавтра?

– Очень хорошо, – сказал он раздраженно. Впрочем, причиной явно была не я.

Я не знаю, что нашло на меня потом. Когда он открыл дверь, то не вышел на улицу сразу, а помедлил, как будто хотел сказать что-то еще, но не был уверен, как это выразить. То же самое чувство охватило меня. Мы встретились взглядами, тем самым как будто протянув невидимую нить через всю комнату. Я сделала глубокий вдох, а потом выпалила, мысленно проклиная себя:

– Вы вернетесь в облике ворона?

– Вероятнее всего, думаю.

– Прежде чем уйдете... могу я увидеть ваше превращение?

Он не ожидал этого вопроса. На его лице отразилось несколько эмоций сразу: надежда, осторожность, удовольствие. Ни одна из них не была в точности человеческой, но я все равно почувствовала, что в них кроется больше смысла, чем в тех фальшивых эмоциях, которые феири примеряли на себя, как шляпы, – бледных подобиях, не более реальных, чем их чары.

– Вас это не испугает? – спросил он.

Я покачала головой. Ни один из нас не отводил взгляда.

– Меня трудно испугать.

В глазах Грача блеснули искры. Весь дом вдруг запол-

нил шорох, звук далекого ветра, шуршащего в сухой листве. Он становился громче и громче, пока я не почувствовала, как холодные порывы окружают меня со всех сторон, развевая мои одежды с дикостью пьянящей пряности ночного леса, поражая меня уже знакомой, хоть и непонятной жаждой перемен. Отброшенные наброски углем зашелестели, а потом разлетелись по комнате. Солнце закатилось за горизонт, и птичья клетка на мгновение сверкнула ослепительным золотом, прежде чем моя мастерская погрузилась во мрак.

Грач будто становился выше, темнее, неистовее. Мягкая полуулыбка осталась неизменной, но фиолетовые глаза вспыхнули. Вихрь черных перьев поднялся с земли, окутывая его с ног до головы. Я, должно быть, моргнула: в следующий момент вся бумага уже лежала на полу, а ворон восседал на клетке, чуть расправив крылья, пристально рассматривая меня. Последние лучи солнца отражались на его перьях и блестели в глазах.

Я лишилась дара речи, не в силах найти слова, чтобы описать то, что мне только что довелось увидеть.

– Это было потрясающе, – прошептала я наконец и склонилась перед принцем в реверансе.

У него было чувство юмора. В ответ ворон тоже склонил голову, а потом вылетел за дверь.

Глава 4

СЕНТЯБРЬ пролетел так быстро, что показался мне сном. Я закончила работу над портретом Овода и вскоре после этого обзавелась новой покровительницей, Вербеной из летнего двора. Но мне казалось, что все эти дни я проводила с Грачом – и только с ним.

Когда прошло полмесяца, я поняла, что откладывала вопрос оплаты так долго, как могла. Обычно мои клиенты делали первый шаг, стремясь заманить меня в ловушку из самых соблазнительных предложений, но я подозревала, что принц так давно не общался со смертными, что потерял в этом деле сноровку. Необходимость поднять тему самостоятельно почему-то беспокоила меня. Я делала вид, что это нормальное волнение, что я просто не привыкла отклоняться от стандартной рутины. Но истинная причина крылась в том, что мне попросту не хотелось слушать, как Грач начнет предлагать мне розы, чей запах украдет у меня все детские воспоминания, или бриллианты, которые станут мне дороже всего на свете, или пуховую перину, которая уничтожит все мои мечты. Я знала, что у него была и эта – темная – сторона, но не хотела ее видеть. И такая мысль была опаснее всех чар, которые он мог бы мне предложить, вместе взятых.

Я трижды опускала кисть и открывала рот, но только на четвертый раз нашла в себе силы заговорить. Он оторвался

от чашки с чаем, которую – очень подозрительно, как мне показалось, – рассматривал, и прислушался ко мне.

– Да, конечно, – сказал он, когда я закончила. Следующие его слова удивили меня: – Какого рода чары вам бы хотелось?

Я помолчала, приводя мысли в порядок. Возможно, он предпочитал наблюдать за тем, как смертные сами роют себе могилу. В таком случае мне следовало быть особенно осторожной. Я взвешивала каждое слово.

– Нечто, что оповестит меня, если члены моей семьи будут в опасности. – Я пару мгновений обдумывала, в чем были слабые стороны этой просьбы, и продолжила: – Членами моей семьи для этих чар будут считаться моя тетя Эмма и мои сводные сестры Март и Май. Знак не должен быть слишком явным, чтобы не привлекать лишнее внимание, но также хорошо различимым, чтобы я не упустила его из виду.

Он вернул чашку чая на столик, сложил руки на груди и улыбнулся одним уголком рта. Я приготовилась к его ответу.

– Вороны, – предложил он, снова обезоружив меня.

Вороны? Я не могла понять, была эта идея продиктована тщеславием, недостатком воображения или и тем, и другим.

– Прошу простить мою прямоту, – ответила я, – но вороны могут быть довольно шумными. Если бы я убегала от... – Я замялась и сказала не то, что было у меня на уме: – ...от разбойника, предположим, не думаю, что стая птиц, кружащих над моим укрытием, пошла бы мне на пользу.

– А, понимаю. В таком случае воспитанные вороны. Они будут вести себя прилично.

– Вы странно настойчивы, сэръ. Есть ли в этих воронах что-то такое, о чем я потом пожалею? – В моем голосе уже неприкрыто сквозило разочарование. Я не могла раскусить его. Должна же быть какая-то зацепка! Господи, мне необходимо было убедиться в том, что она есть – просто чтобы напомнить себе, кто Грач на самом деле такой. – Они не будут мучить меня предсказаниями о моей смерти? Или вызывать бессонницу? Или пикировать всей стаей вниз по каждому пустяку?

– Нет! – воскликнул Грач, подсакивая с места. Он тут же опомнился, отвел в сторону ножны клинка и опустился на диван, как будто выбитый из колеи. Я вытаращилась на него. – Я не собираюсь причинять вам вред, – продолжил он. Голос у него был расстроенный. – Вы, скорее всего, все равно не позволили бы мне, даже если бы я и попытался.

Слова встали у меня в горле комом. Фейри не умели лгать. Я оторвала от него взгляд, не в силах смотреть в странные глаза, которые я не могла ни описать словами, ни передать на холсте.

– Нет, не позволила бы. Учитывая ваши заверения, вороны будут... приемлемы. – В ужасе от того, как чопорно прозвучали мои слова, я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. – Мы можем обсудить остальные условия завтра.

Он просиял на слове «завтра» и согласно кивнул.

– Жду с нетерпением, – охотно ответил он, и вот так просто все было прощено. Скрывая улыбку, я случайно подняла мастихин прежде, чем нашла свою кисть.

Когда принц ушел, не получалось избавиться от мысли, что он настоял на воронах не просто так. Объяснение пришло мне в голову, когда я уже заканчивала убираться. Мои щеки вспыхнули, и я почувствовала, как в груди слегка кольнуло грустью. Все было очень просто. Он не хотел, чтобы я забыла его, когда он уедет.

Оставшиеся недели смешались воедино. Время года не изменилось; но здесь, в моей мастерской, хотя поля за окном все еще бурлили в лучах летнего солнца, изменения произошли со мной. Когда Грача не было здесь, я думала о нем. Во время наших сеансов мое сердце колотилось, как будто я только что бежала марафон. Я ворочалась по ночам, мучаясь загадкой его глаз, которые никак не удавалось изобразить, сходя с ума из-за лунного света, льющегося через окно – готова поклясться – ярче, чем когда-либо прежде. Должно быть, как-то так ощущалось пробуждение весны. Я чувствовала себя живой, как никогда раньше; мой мир больше не казался застывшим, а искрил многообещающе, задыхаясь от предвкушения.

О, я знала, что мои чувства к Грачу опасны. Удивительно, но угроза делала все только лучше. Возможно, все эти одинокие годы вежливых улыбок, застывших на лице, немного свели меня с ума, и безумие просто не сразу достигло ме-

ня – пока я не почувствовала вкус чего-то нового. Ходить по лезвию ножа всякий раз, когда мы обменивались поклонами, знать, что малейшая оплошность может обернуться для меня смертельной опасностью – от этого кровь буквально бурлила в моих венах. Собственная ловкость заставляла меня ликовать. Из всех Ремесленников Каприза я знала прекрасный народец лучше всех. Дни текли, как вода сквозь пальцы, ускользая, как бы отчаянно я ни пыталась их удержать, подталкивая меня к неизбежному концу того, что, будь моя воля, длилось бы вечно. И с каждым днем моя уверенность в том, что я могу справиться с Грачом, становилась все крепче.

Я, наверное, продолжила бы верить в это, если бы не выяснила, что не так с его глазами – во время нашего последнего сеанса.

– Овод сказал мне, что, когда вы впервые писали его портрет, ваши ноги еще даже не доставали до земли, – сказал Грач. Так все это началось. – Он говорил, как будто это было всего... Изобель, сколько вам лет? Я так ни разу и не спросил.

– Семнадцать, – ответила я, отрываясь от картины, чтобы увидеть его реакцию.

Во время наших первых сеансов он сидел неподвижно, как каменная статуя, вероятно, полагая, что помешает моей работе, если сдвинет с места хоть волосок. Теперь, когда я завила его, что уже продвинулась достаточно далеко и его

поза не особенно важна, он обычно устраивался на диване боком и периодически выглядывал в окно, как будто боялся пропустить хоть одно красивое облако или пролетевшую птицу. Но чаще всего он смотрел на меня. Мы вели разговоры с опасной простотой.

Принц отреагировал не совсем так, как я ожидала. Он долго смотрел на меня; на лице у него отразился шок – или даже чувство утраты.

– Семнадцать? – повторил он. – Но ведь для мастера Ремесла это очень юный возраст. И вы уже совсем выросли, не так ли?

Я кивнула. И даже улыбнулась бы, если бы не выражение его лица.

– Я действительно молода. Большинство людей моего возраста не создают работы такого уровня. Я начала писать, как только смогла держать в руке кисть.

Он покачал головой, опустив взгляд. Поглощенный мыслями, дотронулся до своего кармана.

– Сколько лет вам? – осведомилась я, озадаченная этой меланхолией, вдруг охватившей его.

– Я не знаю. Я не могу... – Он выглянул в окно. Его челюсть дернулась. – Фейри не особенно обращают внимание на годы, они проходят так быстро. Не знаю, могу ли я объяснить это так, чтобы вы поняли.

Каково это? Встретить кого-то, почувствовать связь, все это – в один-единственный золотой полдень, а потом узнать,

что для нее каждая прошедшая минута была годом, каждая секунда – часом? Еще солнце не взошло бы следующим утром, а она уже была бы мертва, – вот о чем он думал.

Острая тихая боль скрутила мое сердце. Тогда я и увидела этот секрет, спрятанный в глубине его глаз. Невероятно, но это была скорбь. Не эфемерная печаль прекрасного народца, а настоящая человеческая скорбь, холодная и бесконечная, зияющая пропасть на дне души. Неудивительно, что я не могла разгадать изъян. Эта эмоция не была свойственна таким, как он... не могла быть свойственна.

Время остановилось. Даже сияющие хлопья пыли, казалось, замерли в воздухе.

Я должна была убедиться. Как в трансе, пересекла комнату и поднесла руку к его щеке – осторожно, едва коснувшись кожи. Он не сразу заметил меня и слегка дернулся – почти вздрогнул, – прежде чем поднять глаза. Да, это действительно была скорбь. Вместе с ней – боль и смятение, такое сильное, что я задумалась, понимал ли он когда-нибудь сам, что чувствует, и казалось ли ему это таким же чужеродным и непонятным, как нам – многие черты фейри.

– Я оскорбил вас? – спросил он. – Прошу прощения. Я не имел в виду...

– Нет, все в порядке. – Загадочным образом мой голос звучал ровно. – Я просто заметила кое-что, над чем мне нужно поработать, прежде чем ваш портрет будет закончен. Не могли бы вы повернуть голову и сохранить такое положение

на несколько минут?

Прекрасно понимая, что позволяю себе очень многое, я подняла другую руку, обхватила его лицо и осторожно повернула в сторону мольберта, чтобы свет падал ему на глаза под правильным углом. Он позволил мне это безропотно, следя за мной взглядом. Я чувствовала его теплое дыхание на своих запястьях.

Это был наш последний день вместе. Первый и последний раз, когда я прикасалась к нему. Знание пульсировало между нами, как сердцебиение. Когда наши взгляды встретились, другая истина стала очевидной. Связь между нами я чувствовала так же осязаемо, как рукопожатие или похлопывание по плечу. И я знала: то же самое чувствует и он.

Голова закружилась. Я сделала шаг назад и мысленно захлопнула дверь перед собственными эмоциями, прежде чем они даже смогли принять более ясную форму. Темные пятна замелькали перед глазами, и панический холод забрался в легкие. Что бы это ни было, нужно было положить этому конец. Сейчас же.

Ходить по лезвию ножа было забавно ровно до той поры, когда он переставал быть метафорическим.

Смертных мало заботили загадочные положения Благого Закона, но одно из его предписаний касалось всех нас до единого: людям и фэйри не позволялось любить друг друга. Это было похоже на шутку, если честно. На такие сюжеты Ремесленники слагали песни, ткали гобелены. Такого никогда не

случалось и не могло случиться, потому что при всей своей кокетливости и жажде чужого внимания фейри не могли испытывать никаких настоящих чувств и любить не могли. Или так я думала раньше. Теперь я подвергала сомнению все, что знала о народе Грача, все, что замечала, все аккуратные, разумные правила, которые всю жизнь принимались как должное. Ведь законы не существовали без причины – или без прецедентов.

Ну а расплата? Вы знаете, как оно водится в этих историях. Разумеется, это смерть – с одним-единственным исключением. Чтобы спасти жизнь возлюбленной – спасти их обоих, – смертный должен испить из Зеленого Колодца. Если только фейри не успеют поймать их раньше.

– Пожалуйста, не двигайтесь, – сказала я. Эта просьба прозвучала холодно, и скрип моего стула донесся до моего слуха как будто издалека. Я подняла кисть, не смея взглянуть на Грача, боясь увидеть его реакцию на перемену в моем поведении.

Когда мир вокруг становился невыносим, всегда можно было раствориться в своей работе. Я погрузилась в святилище, где все мои страхи исчезали под давлением требовательного Ремесла. Я сосредоточилась на глазах Грача, на сочном аромате масляной краски, на чувственных блестящих следах, оставленных кистью на холсте. Это мое Ремесло, мой смысл. Мы были здесь только ради него. Только мастер мог достигнуть скрытой глубины на этом портрете, и я должна

была сделать все, что в моих силах, чтобы в точности передать выражение. Дело было в тених на радужках его глаз: глубоких, загадочных и туманных, как блик, который лодка отбрасывает на дно кристально чистого озера. Не реальный образ, а призрак, оставленный им.

Я работала, и меня переполнял лихорадочный трепет от осознания собственного дара, осознания того, что я вот-вот закончу портрет, каких раньше никогда не создавала. Я забыла, кто такая, сбитая с ног этой силой, которая текла сквозь меня, изнутри и снаружи. Свет погас, но я не замечала этого, пока комната не погрузилась в сумрак и цвета на моем холсте не поблекли. Эмма была дома; из кухни доносились редкие тихие звуки, как будто она старалась как можно незаметнее отвести близняшек наверх. Мое запястье болело; выбившиеся волосы липли к взмокшим вискам. Я остановилась, чтобы придать форму кисти, и внезапно осознала, что моя работа закончена. Грач смотрел на меня с холста, и в двухмерном пространстве была запечатлена его душа.

Издали донесся звук охотничьего рога.

Грач подскочил с места, напряженный, как натянутая струна. Рука его потянулась к мечу. Первой моей мыслью было то, что к нам снова заявилось волшебное чудовище, но звук был другой: высокий, гнусавый, чистый. Я убедилась в этом, когда рог прозвучал второй раз: загудел, задрожал и затих.

По моей спине пробежал холод. В Капризе этот звук слы-

шали редко, но трудно забыть зов Диких Охотников.

– Мне нужно идти, Изобель, – проговорил Грач, схватив меч за рукоять. – Охотники вторглись в осенние земли.

Я встала так быстро, что уронила на пол стул. Удар об половицы прогремел, как выстрел, но я даже не вздрогнула.

– Подождите. Ваш портрет закончен.

Он остановился в дверях, рукой держась за косяк. Ужасно, но он не смотрел на меня. Нет – не мог смотреть. В тот момент я поняла без тени сомнения, что он планировал вновь исчезнуть из человеческого мира – безвозвратно и, относительно отмеренной мне смертной жизни, навсегда. Мы не могли искушать судьбу. Я знала: когда он уйдет, мы больше никогда не увидим друг друга.

– Упакуйте его для отправки к осеннему двору, – проговорил он ровным, выхолощенным голосом. – Через две недели его заберет у вас феяри по имени Папоротник. – Он помедлил. Но потом вдалеке снова прогудел рог. – Один ворон – неопределенная опасность. Шесть – верная угроза. Дюжина – смерть, если не удастся ее избежать. Чары наложены.

Он пригнулся под косяком и выскочил за дверь. Вот так просто он исчез навеки.

Должна признаться вам в собственной глупости. Пока Грач не уехал и вместе с его исчезновением не наступило это серое, безрадостное время в моей жизни, я всегда насмеялась над историями, в которых девушки страдали по своим сбежавшим кавалерам – юношам, которых они дай бог знали

неделю и в которых им влюбляться не следовало. Неужели они не понимали, что смысл их жизни – нечто куда большее, чем сомнительное расположение какого-то молодого дурачка? Что мир не вращался исключительно вокруг их надуманной сердечной драмы?

Но потом это происходит с тобой, и ты понимаешь, что ничем, в сущности, не отличаешься от этих девушек. Нет, их истории по-прежнему кажутся абсолютно абсурдными, только теперь ты стала одной из них. Довольно унизительно. Но не в этом ли кроется вся нелепость человечности? Мы – не вечные нестареющие существа, свысока вззирающие на течение столетий. Наши миры малы, а жизни коротки; мы истекаем кровью, а потом падаем в бездну.

Два дня спустя я мысленно перечислила все неприятные качества Грача, приготовившись заняться безжалостной критикой. Он был надменным, эгоистичным и бестолковым, короче, не стоил и моего мизинца. И все же, с яростью припоминая нашу первую встречу, я не могла не вспомнить, как быстро он извинился передо мной, хоть не имел ни малейшего представления, за что. Я с точностью помнила выражение его лица в тот момент. Под конец этого упражнения я чувствовала себя еще более несчастной.

Через три дня я собрала пяток предварительных угольных набросков его портрета, которые сделала перед началом работы маслом, сложила их между листами вощенной бумаги, свернула и спрятала в глубине своего шкафа, чтобы прекра-

тить, наконец, рассматривать их, каждый раз будто высыпая соль на свежую рану, пока желание снова увидеть его лицо не поутихнет. Прекрасный золотой полдень подошел к концу. К тому моменту, как Грач хотя бы вспомнит о моем существовании, если вспомнит вообще, я уже давно буду мертва.

Я ела. Я спала. Я поднималась с кровати по утрам. Я писала, мыла посуду, приглядывала за близняшками. Каждый день небо было ясным и синим. В жару трескотня кузнечиков сливалась в один монотонный гул. Все было к лучшему, уверяла я себя, проглатывая эту мантру, как кусочек горького хлеба. Все было к лучшему.

Две недели спустя, как Грач и обещал, в мою мастерскую прибыл Папоротник. Он забрал портрет, который я упаковала в специальный ящик, проложенный тканью и соломой. Когда прошла третья неделя, я начала немного приходить в себя, но в моей жизни теперь чего-то не хватало, и я подозревала, что никогда уже не стану прежней. Но, возможно, это просто было естественной частью взросления.

Однажды ночью я отправилась на кухню после темноты и увидела там Эмму. Она уснула на столе, обхватив слабой рукой бутылку настойки, грозящую перевернуться. В ступке перед ней нашлись наполовину истолченные едкие травы. Это зрелище не было для меня новостью.

– Эмма, – прошептала я, прикасаясь к ее плечу.

Она пробормотала в ответ что-то невразумительное.

– Уже поздно. Тебе нужно лечь.

– Угу, иду, – пробурчала она куда-то себе в рукав, впрочем, не двигаясь с места. Я взяла настойку из ее руки и понюхала; потом нашла пробку и отставила бутылку в сторону. Не нужно было просить Эмму дыхнуть, чтобы понять, чем от нее будет пахнуть.

– Пойдем. – Я перекинула ее руку через свои плечи и подняла тетю со стула. Ноги у нее подкосились. Идти вместе вверх по лестнице, как я и ожидала, оказалось интересной затеей.

Люди постоянно принимали Эмму за мою мать. В основном такую ошибку допускали дети или жители других мест – люди, которые не знали историю о том, как погибли мои родители и как Эмма, местный фармацевт и хирург, попыталась спасти жизнь моему отцу, но безуспешно. В отличие от моей матери, он умер не сразу. Хотя, надо сказать, так было бы куда лучше.

Поэтому я не могла сердиться на Эмму из-за ее слабостей, даже если иногда мне приходилось опекать ее, а не наоборот. Вероятно, сегодня умер один из ее пациентов. Я давно поняла эту закономерность и перестала спрашивать. Более того, я не могла забыть и того, что я была единственной причиной, по которой она все еще жила здесь, в Капризе. Если бы не я, если бы не ответственность за воспитание дочери погибшей сестры и человека, который умер у нее на руках, Эмма уже давно уехала бы в Запредельный Мир. Там, где чары ценились выше всего, а существам, которые могли наложить их,

даром не сдалась человеческая медицина... что ж, не здесь ей нужно было искать счастье и достаток.

Эмме тоже чего-то не хватало в жизни, и мне следовало помнить об этом.

– Тебе снять обувь? – спросила я, помогая ей опуститься на край кровати.

– И так но... нормально, – не открывая глаз, ответила она. Я все равно помогла ей, стащив с ног башмаки и засунув их под кровать, чтобы она не споткнулась, если встанет посреди ночи. Потом я наклонилась и поцеловала ее в лоб.

Она разлепила глаза. Темно-карие, почти черные, как и мои, огромные, внимательные. У нее были те же веснушки на бледной коже, те же густые волосы пшеничного цвета. Я помню, как давно, еще до того как случилась беда, они с моей мамой шутили, что женщины в нашей семье властвовали безраздельно: передавали идентичную внешность по наследству, не особенно заботясь о мужском вкладе в общее дело.

– Мне жаль, – пробормотала она, поднимая руку, чтобы ласково погладить меня по волосам, – что так вышло с Грачом.

Я оцепенела. Мое сознание забило на краю обрыва, рискуя рухнуть в пропасть.

– Я не знаю, о чем...

– Изобель, я не слепая. Я знала, что происходит.

Кислота едко всколыхнулась в желудке. Мой голос про-

звучал тонко и напряженно, готовый повиситься, если придется защищаться:

– Почему ты ничего не сказала?

Ее рука безвольно упала на покрывало.

– Потому что я не могла бы сказать тебе ничего, что ты бы не знала сама. Я надеялась, что ты сама сделаешь правильный выбор. – Понимающее выражение лица Эммы кольнуло меня чувством вины. Моя враждебность исчезла; но пустота, которая осталась на ее месте, была хуже. – А еще я волнуюсь за тебя. Ты так занята своим Ремеслом, так отстранена от всего вокруг, что у тебя нет возможности испытать... очень многое. Без чар нам приходилось бы трудно. Но я бы так хотела...

Потолок сотряс топот, за которым последовало маниакальное хихиканье. Я была рада, что нас прервали. Чем больше Эмма говорила, тем сложнее становилось сдерживать слезы, которые щипали глаза.

– О черт. Близняшки, – прохрипела она, смерив перекрытия уставшим взглядом. Я быстро поднялась с места.

– Не волнуйся. Я посмотрю, как они там.

Ступеньки старой лестницы, ведущей на чердак, скрипели под моим весом. Когда я вошла в спальню близняшек – крошечную комнатку под косою крышей, в которой едва умещались две кровати и комод, – они уже успели притвориться спящими, хотя меня бы это не убедило, даже если бы они не продолжали сдавленно хихикать.

– Знаю, что вы что-то замышляете. Сдавайтесь. – Я подошла к Май и принялась ее щекотать. Признание можно было достать из нее только под пыткой.

– Март! – завизжала она, дергаясь под одеялом. – Март хочет тебе кое-что показать!

Я смилостивилась и перевела взгляд на Март, уперев руки в бока и пытаюсь сохранять максимально серьезное выражение лица. Судя по тому, как девчонка раздула щеки, она собиралась плюнуть в меня водой или чем-нибудь еще менее приятным. Я не могла показать слабость: чуть топнула ногой и нетерпеливо подняла бровь.

– Буэ-э-э, – сообщила она наконец, доставая изо рта живую жабу. Май зашлась истерическим хохотом. Я покачала головой.

– Что ж, спасибо, что не проглотила ее, – сказала я, поднимая мокрое и наверняка травмированное создание с одеяла прежде, чем оно успело рвануться к лестнице. – А теперь ложитесь, ладно? У Эммы опять эта ночь.

Они не знали, что «эта ночь» означает, но понимали, что дело серьезное и потом я обязательно награжу их чем-нибудь за примерное поведение.

– Хорошо, – вздохнула Май, переворачиваясь в кровати. Одним глазом она наблюдала за мной. – Что ты будешь с ней делать?

– Отнесу куда-нибудь подальше от рта Март.

«И буду надеяться, что кошмары не будут преследовать

жабу до конца ее дней», – добавила я про себя, закрывая за собой дверь.

Я прошла по комнатам дома. В мастерской лунный свет выхватывал из темноты странные образы безделушек; незавершенный портрет Вербены улыбался мне с мольберта. Выражение ее лица с тем же успехом можно было встретить на лице манекена в парикмахерской. Работать с ней после Грача было почти шоком, хоть я и понимала, что ее поведение как раз нормально, что бы там для них не являлось нормой.

Прокравшись через кухню, я вышла во двор и выпустила жабу в мокрую траву. Она тут же прыгнула в кусты, в сторону леса. Отсюда было видно, как верхушки деревьев по ту сторону поля, залитого серебристым лунным светом, упирались в облака.

Легкий порыв ветра всколыхнул пшеницу и траву, холодом коснувшись моих ступней, покрытых росой. Он дул со стороны леса, и на мгновение мне показалось, что я почувствовала еле слышный шепот того свежего, дикого, задумчивого аромата – запаха Грача, который однажды захватил мое сердце и с тех пор не отпускал. Я знала, что это было. Осень. В тот же миг мою грудь сдавило необъяснимой тоской, и боль стиснула горло, как немой, непрозвучавший крик. Жизнь ждала меня там, вдалеке от безопасного, знакомого дома и сковывающей каждодневной рутины. Целый мир ждал меня. Тоска пронизывала насквозь. О, если бы только я умела плакать и кричать...

Вытерев руки от жабьей слизи об траву, я сделала несколько шагов назад. Со стороны старого дуба донеслось хлопанье крыльев.

Я повернулась так быстро, что ветер всколыхнул мои волосы. На дереве сидел ворон. Но который – ворон в знак опасности или тот, которого я любила?

Я не успела и шагу ступить, как Грач вдруг оказался прямо передо мной. Я лишь успела подумать: «И то и другое». Я не узнавала его. Когда вихрь перьев опустился, превратившись в плащ, открывшееся мне лицо оказалось искажено яростью. Не было никакой мягкой улыбки на этой холодной оцепенелой маске, и аметистовые глаза горели как лесной пожар.

– Что ты наделала? – прорычал он.

Глава 5

ВОПРОС Грача совершенно сбил меня с толку и потряс до глубины души. Я безмолвно покачала головой. Мне нужно было возвращаться в дом.

Предугадав мое следующее действие, Грач начал теснить меня к стене, пока я не уперлась в нее спиной. Он не трогал меня, но от его рук, оказавшихся по обе стороны от моих плеч, от пальцев, врезавшихся в доски возле моего лица, исходила ясная угроза. Побег был невозможен, и я даже не могла отвести от него взгляд. Обычно такие выразительные, сейчас его губы сжались в тонкую бескровную линию. Он ждал от меня ответ. Мне хотелось, чтобы это ледяное выражение лица переменилось, даже если к худшему, потому что тогда я хоть смогла бы представить, что происходит у него в голове.

– Грач, понятия не имею, о чем ты говоришь, – обескураженно проговорила я. – Я ничего не сделала!

Он выпрямился в полный рост. Я и забыла, насколько он высок: мне приходилось задирать голову, чтобы увидеть его лицо.

– Хватит прикидываться. Я знаю, что ты подстроила диверсию. Зачем? Ты работаешь на кого-то еще? Чем они заплатили тебе за предательство?

– Запла... О чем ты говоришь?

Его глаза вспыхнули и погасли. Но, если я и заставила его засомневаться, он очень быстро вернул себе самообладание.

– Ты что-то сделала с портретом. Между нашим последним сеансом и отправкой. Теперь в нем есть дефект. Все это заметили.

– Я написала тебя. Вот и все. В этом и заключается мое Ремесло, что такого я могла...

О... О нет.

– Ты все-таки сделала что-то, – прошипел он, сжимая кулаки.

– Нет! В смысле сделала, но это не была... диверсия или... или интрига, клянусь. Я написала тебя в точности таким, какой ты есть. Я увидела, Грач. Я все увидела, как бы тщательно ты ни пытался это скрыть.

Что ж. Я, конечно, была одаренной художницей, но гениальной себя никогда не считала. Только в тот момент я поняла, что тайная скорбь Грача могла быть тайной неслучайно. Что она могла быть тайной даже для него самого.

– Ты увидела все? – опасно тихим голосом повторил он. И наклонился ближе, практически накрывая меня своим телом. – Что же это было, Изобель? Что увидели твои человеческие глаза? Ты видела роскошь летнего двора или то, как фейри старше самой земли погибали в стеклянных горах зимних земель? Ты видела, как целые поколения живых существ растут, цветут и погибают в одно мгновение, за которое ты успеваешь лишь вздохнуть? Ты помнишь, что я та-

кое?

Я вжалась спиной в доски.

– Я могла бы изменить портрет, – сказала я, понимая, что, скорее всего, только что солгала ему. Даже если моя жизнь – что очень вероятно – зависела от этого, я не могла представить себе, что уничтожу эту совершенную работу. Во всем мире она была единственной в своем роде.

Грач горько рассмеялся.

– Портрет был торжественно открыт в присутствии всего осеннего двора. Все мои придворные видели его.

Все мысли исчезли из моей головы.

– Дерьмо, – выдержав небольшую паузу, красноречиво согласилась я.

– Есть только один способ восстановить мою репутацию. Ты отправишься со мной, предстанешь перед судом осенних земель и ответишь за свое преступление. Сегодня же.

– Подожди...

Грач отпрянул. Слепленная ярким лунным светом, бившим мне прямо в глаза, я вдруг поняла, что шагаю следом за ним по двору навстречу пшеничному полю. Мои ноги двигались рывками, как у марионетки, которой управляет кукольник. Меня охватила безумная паника. Как бы отчаянно я ни сопротивлялась, мое тело предавало меня, и я продолжала идти.

– Грач, ты не можешь так делать. Ты не знаешь моего настоящего имени.

Он ответил мне, даже не обернувшись:

– Если бы я приворожил тебя, ты бы не знала об этом: ты бы шла за мной добровольно, думая, что это твое собственное решение. А это всего лишь пустяковые чары. Ты, должно быть, и впрямь забыла, кто я такой. Во всем мире есть только два фейри, равных мне по могуществу, и всего один сильнее меня.

– Ольховый Король, – прошептала я. Где-то вдалеке всколыхнулись верхушки деревьев.

Грач остановился. Он повернул голову так, что мне был виден его профиль, но по-прежнему не смотрел на меня, как будто не мог оторвать глаз от чего-то еще.

– Когда мы будем в лесу, – сказал он, – не произноси это имя. Даже не думай о нем.

По моему телу прошла волна холода. Единственным, что я знала об Ольховом Короле, было то, что он правил летним двором – и всем народом фейри – целую вечность. Его влияние распространялось далеко; из-за него в Капризе царило вечное лето. В ту минуту мне показалось, что деревья склоняются друг к другу, чтобы пошептаться. Они ждали, пока я пройду мимо тех ржавых гнутых гвоздей, войду в чащу под сенью их ветвей, чтобы наблюдать и слушать. Я почти подошла к краю нашего двора. Было чувство, будто я сейчас шагну за пределы крохотного пятна фонарного света и окажусь во тьме, полной неисчислимых ужасов.

Нет, это не просто чувство. Так было на самом деле.

Я не могла закричать. Если бы Эмма выбежала наружу, кто знает, что могло бы случиться с ней, и мне становилось плохо от одной мысли о том, что близняшки увидят такое. Но я не собиралась просто пойти за ним прямо в чашу, как безвольная кукла.

Громко сглотнув, я схватилась за юбку и отвесила ему неловкий полупоклон.

Он развернулся на каблуках и поклонился, глядя на меня с такой яростью, как будто готов был прикончить на месте. Как только он снова отвернулся и сделал еще один шаг, я поклонилась вновь. Мы повторили этот странный ритуал четырежды. С каждым разом выражение его лица становилось все более остервенелым, пока я, наконец, не почувствовала, как чары расползаются по моему телу вверх и талию, как у фарфоровой куклы, охватывает паралич. Не сработало.

Мы вышли в поле. Колосья ходили волнами вокруг нас, щекотали и царапали кожу, цеплялись за грубую ткань моей одежды. Я оглянулась через плечо. В доме не горел свет. Неужели это последний раз, когда я увижу его? Мою семью? Серебристая черепица и карнизы, большой старый дуб возле кухонной двери вдруг стали так дороги мне, что на глазах проступили слезы. Грач не заметил этого. Ощутил бы он вообще хоть что-нибудь, если бы увидел мои рыдания? Может быть. А может, и нет. В любом случае стоило попытаться выяснить.

Я сжала пальцы. Хорошо – мои руки все еще были сво-

бодны. Я нащупала скрытый кармашек в свободных складках своей юбки и принялась теревить швы.

– Грач, подожди, – позвала я. Еще одна слеза, оставив горячий след, скатилась по моей щеке и упала за воротник. – Если я когда-то была хоть немного небезразлична тебе, остановись на минутку и позволь мне прийти в себя.

Его шаги замедлились, пока он совсем не остановился. Мои ноги продолжали нести меня вперед, пока я не оказалась прямо рядом с ним. Это мне и было нужно.

– Я... – начал он, но я так и не узнала, что он собирался мне сказать.

Я схватила его за руку и крепко сжала так, что кольцо, которое я вытащила из потайного кармашка, коснулось его кожи. Это было не просто кольцо – его выковали из чистого холодного железа. Принц покачнулся, как будто почва ушла у него из-под ног. Потом отдернул руку и отшатнулся, вытаращившись на меня, хищно оскалив зубы. В груди у меня екнуло. За все эти годы, наблюдая за индивидуальными несовершенствами каждого фейри, я примерно представляла себе, как они выглядят, когда чары рассеиваются. Но оказалось, что к такому зрелищу все равно была не готова.

Реальный облик Грача напоминал какое-то дьявольское отродье из самого сердца леса: не отвратительное, по крайней мере не совсем, но ужасающе далекое от всего человеческого. Вся жизнь отлила от его золотистой кожи, оставив ее тошнотно блеклой; щеки ввалились, а волосы обвили лицо,

как тени, отброшенные вересковыми зарослями. Взгляд светящихся ястребиных глаз пронизывал душу насквозь, беспощадный, бесстрастный. У жутких длинных пальцев было слишком много суставов, и под одеждой, повисшей на нем мешком, угадывался силуэт, скорее напоминающий скелет. Хуже всего были зубы, заметные под оттянутой верхней губой, – острые, как иглы.

Чары почти сразу вернулись, оживив впалые щеки, взъерошенные волосы и пепельное лицо, но ужасный образ навеки впечатался в мою память.

– Как ты смеешь использовать железо против меня! – проскрежетал он. Ярость чувствовалась в каждом слове. – Ты прекрасно знаешь, что в Капризе оно объявлено вне закона. Мне следует убить тебя на месте!

Я изо всех сил старалась говорить ровно, хоть сердце и колотилось об ребра как сумасшедшее.

– Я знаю, что ваш народ связывают словесные клятвы. Вы высоко цените справедливость. Если ты убьешь меня за ношение железа, не будет ли справедливым и необходимым так же покарать всех, кто виновен в подобном преступлении?

Он поколебался, потом кивнул.

– Тогда, если мне суждено умереть, та же участь должна постигнуть всех до единого в Капризе, до последнего младенца. Каждый из нас тайно хранит при себе железо. С первого дня жизни до самой смерти.

Ах ты гнусная... – При других обстоятельствах его шок

был бы довольно комичен. – Сначала ты предаешь меня, а сейчас... сейчас ты говоришь... – Он отчаянно подыскивал слова. Ясное дело, поражения не входили в его привычку. Ведь феири, конечно же, не могли взять и убить каждого жителя Каприза: они ценили Ремесло слишком высоко, чтобы даже помыслить об этом.

Я сделала глубокий вдох.

– Знаю, что не могу сбежать от тебя. Чары, заставляющие меня идти вслед, ничего не изменят, и ты мог бы направить эту энергию на что-нибудь еще. – Это был, признаю, полнейший блеф, но, судя по тому, как Грач сжал губы, я попала в яблочко. – Так что позволь мне идти свободно, позволь оставить при себе железное кольцо, и я последую за тобой добровольно... как минимум физически.

Он шагнул назад раз, два, три; потом развернулся и двинулся в сторону леса. Спотыкаясь, я поспешила за ним. Освобождение от чар было его единственным ответом.

Мое сознание лихорадочно искало пути побега. Но я знала, что шансы на спасение станут очень малы или вовсе исчезнут, если я попробую ускользнуть сейчас. У меня не было другого выбора, кроме как последовать за ним через поле, по траве, под сень леса, где не ступала нога человека, а если и ступала, то безвозвратно.

Каждой клеткой тела я напряженно ждала какой-нибудь колдовской дьявольщины, но первые препятствия на моем пути оказались удивительно и неприятно обыденными. Ды-

хание со свистом отдавалось в ушах, и юбки липли к вспотевшим ногам, пока я пробиралась через подлесок. Репьи цеплялись за мои чулки, и я на каждом шагу спотыкалась об корни и камни. Грачу все это нисколько не мешало: он скользил сквозь растительность плавно, как бестелесный фантом. Если ветки зацеплялись за его плечи, то потом, натянувшись, били меня по лицу. Я подозревала, что он делает это нарочно.

– Грач.

Он ничего не ответил.

– Становится слишком темно: лунного света нет. Я ничего не вижу.

Он поднял руку, и над ней возник мерцающий волшебный огонек фиолетового цвета, как его глаза, размером примерно с кулак, легкий, как пар. В детстве мама часто говорила мне ни в коем случае не следовать за такими огоньками.

Мы продирались дальше.

– Э-э... – я откладывала этот вопрос так долго, как только могла, – мне нужно облегчиться. – Он ничем не дал мне понять, что услышал, поэтому я добавила: – Прямо сейчас.

Он чуть повернул голову; огонек высветил контур профиля.

– Давай быстро.

Я уж точно не собиралась долго сидеть со спущенными панталонами в темном лесу рядом с принцем фейри. Он, похоже, ожидал, что я присяду на корточки и помочусь там

же, где стою, что, вероятно, не было так уж странно – никакая тропа здесь все равно не пролегала. Но я все еще хотела сохранить остатки достоинства, поэтому сделала несколько шагов в сторону, пробралась через заросли жимолости и присела с другой стороны. Огонек послушно остановился у моих ног.

Я чуть не вскрикнула, когда, обернувшись через плечо, увидела за своей спиной силуэт Грача.

– Отвернись! – воскликнула я.

Он посмотрел на меня озадаченно, как тогда, на кухне, во время первой нашей встречи, но это выражение исчезло с его лица так быстро, как будто мне вообще показалось.

– Почему? – спросил он холодно и надменно.

– Потому что это личное! Ты все это время шел, не оглядываясь, можешь и еще на несколько секунд отвернуться. Иначе я все равно не смогу ничего сделать.

Хотя бы это его убедило. Но, сидя под кустом с задранными юбками, как наездка, чувствуя прикосновения плаща Грача к волосам всякий раз, когда он шевелился, я никак не могла осуществить задуманное. Особенно плохо стало, когда я огляделась, чтобы отвлечься, и увидела неподалеку грибной кружок. Шляпка каждого мухомора была размером с тарелку, и мох, проросший между ними, пестрил крошечными белыми цветочками. По легенде фейри использовали такие порталы, чтобы перемещаться по волшебным тропам. Мысль, что передо мной вдруг из ниоткуда может возник-

нуть еще один фейри, заставила меня содрогнуться.

В воздухе прогудел зов охотничьего рога. Каждый волосок на моем теле встал дыбом, и в ту же секунду я бесславно обмочилась.

Грач схватил меня за руку и поднял на ноги, пока я сражалась со своей одеждой, приводя ее в порядок.

– Дикие Охотники, – произнес он. Выставив обнаженный меч перед собой, он потащил меня за собой в кусты, свободной рукой обхватив поперек груди, как будто держал в заложниках. – Они не должны были найти нас здесь. Не так быстро, во всяком случае. Что-то произошло.

Жаловаться в такую минуту было бессмысленно, поэтому я ничего не сказала, только протестующе дернула его за руку. Брошь с вороном снова была у него на воротнике – как раз на идеальной высоте, чтобы удачно впиваться мне прямо в макушку.

– Прекрати. Как только гончие нас увидят, они сразу нападут на тебя. Убить их в одиночку легче легкого, но защитить при этом смертную... ты должна делать все, что я тебе скажу, сразу, не сомневаясь.

В горле у меня пересохло. Я кивнула.

Призрачный силуэт двигался нам навстречу через подлесок, излучая слабый свет: не живая собака, а лишь очередное волшебное чудовище. Оно приняло облик белой борзой с длинными лапами и густой шерстью, но я смотрела глубже, заглядывая под маску колдовства, и очень скоро этот образ

дрогнул. Под иллюзией оказалось что-то древнее, мертвое, темное, опутанное лозами и гнилыми листьями. Оно бесшумно перемахнуло через заросли жимолости, глядя прямо на меня своими мягкими влажными глазами. Я успела почувствовать исходящую от него сухую гнилую вонь, прежде чем Грач сделал выпад и превратил чудовище в горстку веточек и человеческих костей. Тихий мелодичный звук, похожий на женский вздох, издало оно, умирая.

Воющий хор разорвал тишину леса. Меня затрясло. Эта жалобная песнь была пронизана холодом, одиночеством и неизбывной печалью; сложно было поверить, что голоса эти принадлежали чудовищам, собиравшимся меня убить.

Прислушавшись к ним, Грач пренебрежительно фыркнул, и я услышала, как звук вибрацией отдался в его груди. Он вернул меч в ножны и развернул меня к себе.

– Этих созданий там не меньше дюжины, и все они доберутся до нас одновременно. Мы не можем сражаться. Нужно бежать.

Было видно, что сама идея бегства терзает его.

– Я не смогу...

– Да, я знаю, – перебил он, окинув меня нечитаемым взглядом. – Отойди.

Ветер рванулся сквозь деревья, окутывая Грача головокружительным вихрем из листьев. Волна накрыла его с головой, и он исчез, а на его месте в следующий момент возник огромный конь. Он рыл копытом землю и фыркал, глядя

на меня жутковато светлыми глазами. В этом существе, как и в вороне, безошибочно узнавался Грач. Волшебный огонек, парящий в воздухе над моим плечом, высветил рыжеватый блеск на его черной шерсти, гриве и хвосте – косматых, взлохмаченных, неукротимых. Конь опустился рядом со мной на колени, нетерпеливо махнув головой.

Еще одно важнейшее правило жителей Каприза, которое я собиралась нарушить. Если ночью за тобой по пятам идет незнакомая дворняга, не останавливайся и не смотри на нее. Если, проснувшись, ты замечаешь во дворе незнакомую кошку, которая наблюдает за твоим домом, не открывай дверь. И особенно: если видишь красивую лошадь возле озера или на краю леса, никогда, никогда не пытайся оседлать ее.

Как сказала бы Эмма: *«О черт»*.

Я сняла с пальца кольцо и положила его обратно в карман. Как бы мне ни хотелось отомстить Грачу, заставить его вернуться в истинное обличье посреди преследования в тот самый момент, когда гончие были бы готовы меня сожрать, представлялось идеей довольно малопродуктивной. Я сделала всего один глубокий вдох, а потом запрыгнула на широкую спину, не заботясь о юбках, задравшихся до бедер, и вцепилась пальцами в гриву. Мускулы заходили ходуном под глянцевой шкурой, когда конь наконец вскочил и галопом рванулся вперед.

Даже цепляясь за него изо всех сил – в конце концов, для

меня это был вопрос жизни и смерти, – я еле могла удержаться: всякий раз, когда копыта врезались в землю, меня подбрасывало в воздух, и обратно я падала с такой болезненной, костедробильной силой, что мои ягодицы вскоре начали неметь. Если он отскакивал в сторону, огибая какое-нибудь дерево, я соскальзывала набок. Он тяжело дышал, и его спина вздымалась подо мной, как кузничные меха. Каждое движение жилистых мускулов напоминало мне о том, что я сижу верхом на существе, превосходящем меня по размеру в десять раз, а то и больше. Земля внизу казалась очень далекой.

Я решила, что мне не нравится ездить на лошадях.

Вой следовал за нами, все приближаясь. Вскоре я уже могла различить грациозные белые силуэты по обеим сторонам от нас: они стремительно догоняли Грача. Две ближайших гончих прибавили ходу, очевидно, собираясь зайти с боков и преградить дорогу. Луч лунного света, пробивавшийся сквозь листву, высветил покрытые корой тела под личиной призрачного меха. Шипастые пасти и зияющие дыры на месте глаз. Грач фыркнул и, бросившись вперед, сократил расстояние между нами и нашими преследователями. Они обернулись, щелкая зубами, но уже слишком поздно: под ударами его копыт они превратились в щепки.

В изящном галопе, в том взгляде, которым он смерил остальных гончих, немного отставших от нас, как будто бросая им вызов, чувствовалось самодовольство. Как говорится, дьявол гордился, да с неба свалился. Мы выскочили на по-

ляну, и Грач резко остановился, чтобы не столкнуться с тем, кто стоял у нас на пути.

Я никогда не видела фейри из зимнего двора. Они никогда не посещали Каприз. Иногда я гадала, как они выглядели – без одежды и других предметов человеческого Ремесла. Что ж, теперь я знала ответ.

Это было существо необычайно высокого роста, даже выше Грача, и оно не скрывало свой истинный облик под чарами. Мертвенно-белая кожа обтягивала худое острое лицо, окруженное невесомым венцом таких же белых волос. Я не успела яснее разглядеть черты, потому что не смогла отвести взгляд от его глаз. Они были желтовато-зеленого цвета, как отполированные куски нефрита; непостижимые, притягивающие, живые, они были полны жестокого любопытства кошки, наблюдающей за тем, как медленно умирает раненая мышь. Я сразу поняла, что передо мной создание настолько далекое от всего человеческого, что оно даже при желании не смогло бы подражать нам. От ног до шеи оно было облачено в черные древесные доспехи, будто выросшие на коже, как кора, изборожденная и скрученная временем; и только голова оставалась непокрытой. Оно поприветствовало нас изысканным, немного напыщенным жестом, взмахнув у груди рукой с длинными пожелтевшими когтями. Грач дернул носом, что, как я поняла, было очень недовольным поклоном.

– О, Грач! – воскликнуло существо тонким голосом, напоминаям неземное завывание гончих. – Оказывается, ты

не один! Как интересно, не находишь? И что же нам теперь делать?

Жуткие глаза сфокусировались на мне, и существо улыбнулось. При этом двинулись только губы: остальное лицо осталось неизменным.

Грач пару раз ударил в землю копытом, а потом, застав меня врасплох, вдруг встал на дыбы. Я обхватила его шею руками, еле удержавшись на месте. Кожей чувствовала его бешеный пульс; на шелковой шерсти проступили капли пота.

– Не волнуйся, я не буду ничего делать сейчас. – Мой мозг, парализованный ужасом, отвлеченно отметил, что существо было, скорее всего, женского пола, по крайней мере, судя по его – ее – голосу. – Игра поменялась. Нам просто нужно придумать новые правила. Будет довольно неспортивно сражаться насмерть на этой поляне, учитывая, что тебя задерживает смертная. Привет, кстати, – добавила она, склоняя голову набок, чтобы разглядеть меня получше. Неизменная любезная улыбка все еще растягивала ее губы.

– Добрый вечер, – ответствовала я, понимая, что, в отличие от Грача, моим единственным средством самозащиты были хорошие манеры.

– Я Тсуга из зимнего рода, – представилась она. Бесшумные, как полет совы, гончие ворвались на поляну, крутятся у ее ног и прижимаясь лбами к ее ладоням. – С тех самых пор, когда старейшее дерево этого леса пустило первые кор-

ни, я была хозяйкой Диких Охотников.

Мне почудилось или я действительно услышала, как гончие зашептались между собой? Мягкий ропот, напоминающий приглушенный разговор испуганных женщин за закрытыми дверями...

Я сглотнула, стараясь не представлять себе, что скрывалось под волшебной оболочкой этих гончих.

– Рада знакомству. Мое имя Изобель. Я, эм, художница-портретистка.

– Понятия не имею, что это значит, – улыбаясь, ответила Тсуга. – Что ж, Грач...

Тот подскочил и перебил ее неприятным ржанием, от которого кровь стыла в жилах.

– О, не надо грубостей! Мы не обязаны продолжать это просто потому, что находимся в состоянии войны. Итак, как я говорила, прежде чем ты меня перебил, думаю, будет честным дать тебе фору. Если мои гончие настигнут вас еще раз, то я уже обстоятельно займусь разрыванием тебя на мелкие кусочки. Как тебе такая идея?

Он вытянул шею вперед и щелкнул зубами. Я с ужасом поняла, что он намерен драться.

Я повернула голову, дабы Тсуга не догадалась, что я с ним говорю, и чуть не уткнулась носом в его гриву.

– Прошу, беги, – выдохнула я. – Ты, может, и выживешь, но я точно нет, а без меня тебе ни за что не спасти свою репутацию.

Кожа на его плечах дернулась, как будто он отгонял муху.
– Разве ваши междоусобицы этого стоят?

Он повернул голову. Один глаз внимательно смотрел на меня, и жутко было видеть разумность в его глубине – разумность, совершенно несвойственную животному, чье обличье он принял.

– Прошу, – прошептала я.

Грач вздрогнул, как будто я стегнула его плеткой, и, обогнув Тсугу и ее гончих, помчался галопом в темноту леса.

– Торопись, Грач! – пронзительно, почти отчаянно закричала та нам вслед. – Я скоро догоню тебя! Скачи изо всех сил!

Я снова вцепилась в длинную гриву Грача и рискнула оглянуться. Доспехи Тсуги были почти неразличимы вдаль, и только ее бледное лицо можно было разглядеть, пока и оно не исчезло за ветками и листьями. Снова прозвучал охотничий рог. Я поняла, что довольно хорошо разглядела Тсугу... но рога у нее при себе не было.

Грач скакал, как будто по пятам за ним гнался сам дьявол. Все свое внимание я сосредоточила на том, чтобы не упасть, поэтому не замечала окружающего нас пейзажа. Какое-то время я чувствовала только дикий ритм галопа, жар, исходящий от спины Грача, да удары комьев земли, взрывающейся его копытами, по моим голым ногам. Но потом что-то яркое мелькнуло мимо моего лица и застряло у меня за широтом. Сначала я не узнала в этом трепещущем желтом

лоскутке лист. Но потом до меня дошло, и все изменилось.

Я подняла голову и затаила дыхание. Восторг охватил меня – яркий, как рассвет, наползающий на горизонт, пьянящий, как бокал лучшего шампанского.

Мы были в осенних землях.

Хотя вокруг было еще сумрачно, лес сиял. Золотые листья, пронесившиеся мимо, сверкали, как искры над костром. Алый ковер расстилался перед нами, безупречный, роскошный, точно бархатный. Темные спутанные корни деревьев тонули в голубоватом тумане, превращавшем стволы дальних деревьев в призрачные фигуры, но не касавшемся сияющих оттенков листвы. Яркий мох расползлся по веткам медными пятнами. Свежий пряный аромат хвои наполнял прохладный воздух, перекрывая затхлость сухой листвы.

В горле у меня встал ком. Я не могла отвести глаз. Этого было слишком много, слишком быстро. Мне не хватало, нужно впитать в себя каждый лист, каждый кусочек коры, каждый клочок мха. Мои пальцы невольно сжались в гире Грача, жадно представляя, как я держу кисть и сажусь за мольберт. Немного выпрямившись, я почувствовала, как ветер бьет в лицо и наполняет легкие. И этого все еще было мало.

Семнадцать лет я жила в мире, который никогда не менялся. Теперь мне казалось, будто я впервые сняла тугий шерстяной свитер и почувствовала на голой коже дуновение ветра. Я понимала, что отныне мне всегда будет чего-нибудь не

хватать.

Когда Грач замедлил шаг, ветер перестал трепать мою одежду, и топот копыт больше не отдавался в ушах. Это было странное чувство потери. Мысли сменяли одна другую с бешеной скоростью, и кровь в жилах бурлила. Каждый звук после этой скачки казался приглушенным: копыта Грача едва касались мягкого лесного полога, и пар вылетал из его ноздрей абсолютно бесшумно. Наконец он опустился на колени посреди прогалины. Я соскользнула на землю, еле удержавшись на слабых дрожащих ногах, и начала медленно оглядываться.

Не звучал рог вдалеке, не слышался в туманном воздухе лай гончих. Не трещали кузнечики, только мелодично гудели сверчки, влажно квакали лягушки и изредка шлепались о землю желуди. И ни одного ворона на ветке. Опасность миновала.

Когда я обернулась, увиденное заставило меня оцепенеть. Грач вернулся в свое нормальное обличье и стоял в полный рост, вытащив меч из ножен.

Я забыла обо всем, когда он наставил клинок на себя.

Глава 6

Я НЕ ПЕРЕЧИЛА. Не кричала. Что бы он ни делал сейчас, у меня не было ни возможности, ни желания его оставивать.

Он опустился на колени, закатал правый рукав до локтя и прислонил лезвие к ладони. Принц не выглядел ни утомленным, ни растрепанным; пара влажных локонов, прилипших ко лбу, были единственным последствием нашего безумного бегства, когда его плечи и шея взмокли от пота. Он спокойно отвернулся, а потом одним резким движением рассек себе кожу. Кровь окропила мох. Она была на несколько оттенков бледнее человеческой и более густой, как будто смешанной с древесной смолой. Когда мой шок сошел на нет, я поняла, что Грач проводит какой-то магический ритуал. Что бы это ни было, я очень надеялась, что ему больно. Может быть, я даже смогла бы воспользоваться его слабостью.

– Ты говорил, что во всем мире есть только двое фейри, равные тебе по могуществу, – произнесла я, сделав реверанс, чтобы привлечь его внимание. – Я думала, ты имел в виду регентов весеннего и зимнего двора. Разве Тсуга – одна из них?

Он вытер руки о мох, поклонился, а потом встал. Порез затянулся, хотя я не была уверена, исцелен ли он на самом

деле или просто скрыт под внешними чарами. Он вполне мог бы так поступить из гордости.

– Каждый из нас одарен по-своему, кто-то – больше остальных. Я могу превращаться в кого угодно и – как принц – повелевать силой своего времени года. Тсуга знаменита своей отвагой в бою, но она не властна над зимой. Возможно, если бы я истратил всю свою магию или сознательно решил ее не использовать, то смог бы на равных сражаться с ней врукопашную.

Он поджал губы. Интересно, как часто он жалел, что не умеет лгать.

– Ее гончие, должно быть, представляют для тебя угрозу, – рискнула я, хватаясь за возможность узнать побольше о его слабых местах. – Не одна и не двое, а целая стая, нападающая по ее указке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.